

**АЛЕКСАНДР
ЗОЛОТЬКО**

ИГРЫ БОГОВ

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Александр К. Золотько
Игры богов
Серия «Игры богов», книга 1

OCR Fenzin
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120832
Золотько А. Игры богов: Крылов; СПб; 2004
ISBN 5-94371-534-7

Аннотация

Существует мир, каким его видят люди, – плоская земля, искусственное небо, к нему приколочены звезды. А рядом с ним, как в мифах античности, существует мир богов. Боги – эгоисты, карьеристы и интриганы, они не в ладах друг с другом и презирают обманутых ими людей, из которых сосут энергию, проистекающую из веры, жертв и молитв. Эта энергия дает богам силу творить чудеса.

Тысячи лет назад боги объединились против одного из равных себе и изгнали его из рая. Но теперь невероятное стечение обстоятельств освобождает всеми забытого узника Бездны, и он, найдя себе помощника среди думающих людей, тайно возвращается, чтобы отомстить всемогущим недругам. А заодно – чтобы вернуть миру смертных утраченную им подлинную реальность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Золотько

Игры богов

*Прошлое – это законченное произведение искусства
безупречного вкуса и формы, начисто лишенное любых
несообразностей.*

Макс Бирбом

В прошлом всегда есть что-то абсурдное.

Макс Бирбом

Глава 1

Солнце зашло только с третьей попытки. И то на севере. Отреагировали все на это поразному.

Обитатели горной долины несколько рассеянно обратили внимание на то, что тени от горной гряды скользят в этот день странно. Правда, чтобы расследовать сей феномен, нужно было подняться на перевал. А это хрен знает сколько пути в одну сторону и столько же обратно, да еще ночью. Да и вообще, для подобного путешествия нужно было заинтересоваться странным поведением небесного светила. А обитатели долины даже среди ближайших соседей имели славу нелюбознательных тугодумов.

Жители степи, которая тянулась от края гор почти до самого Крайнего моря, повели себя несколько иначе. Обнаружив странное поведение солнца, они на всякий случай согнали стада ближе к поселкам, а местные мудрецы принесли каждому из богов по малой жертве и приказали соплеменникам не отходить от центрального костра до утра. Если таковое наступит.

Застигнутый этим явлением на полпути между горами и Западным оазисом, караван остановился и стоял на месте, пока не наступила ночь. Весь путь каравана занимал пять месяцев, так что один день задержки особого значения не имел. Во всяком случае, вожаку так подсказывал многолетний опыт. Впрочем, когда солнце сходит с ума, многолетний опыт мало чего стоит.

Вечно суетящиеся жители Семивратья на солнечное недоразумение отреагировали и вовсе спокойно. Большая часть вообще не обратила на него внимания: городская жизнь предполагает сосредоточенность на делах земных. Нашлась, правда, в академии пара философов, учинивших по этому поводу дискуссию о разрывании плащей и киданием друг в друга сандалиями на глазах у доброжелательных горожан и азартных учеников. Но к философам всегда относились как к ненормальным, да и бойцы из них никакие, поэтому интерес к вялой потасовке пропал у зрителей уже через несколько мгновений.

Один из членов городского совета, человек трезвый и осторожный, тайно отправил рабов к верным людям. Каждый из рабов был предупрежден о вреде излишней болтливости. Вызванные явились немедленно, шустро обменялись условными знаками и по-быстрому заняли обычные места в пещере вокруг алтаря. С их точки зрения, малопонятный вираж солнца мог означать приход долгожданного дня.

Людям вообще свойственно ошибаться.

Некоторые, впрочем, стараются ошибок избегать. К таким осторожным относился и Одноглазый. Гребцы на его галере были слишком заняты тасканием туда-сюда рукоятей весел, а сам Одноглазый, усмотревший в солнечных метаниях предупреждение свыше, приказал прекратить погоню за мелким одномачтовым купцом, лично принес на корме в жертву

Вершителю черного петуха и решил провести эту ночь на корабле, не обращая внимания на рыбацкие лодки, пробирающиеся мимо с уловом.

Оживившиеся по этому поводу гребцы радовались не слишком долго – их велено было не расковывать, и ужина они не получили. Каждый должен чем-то жертвовать, рассудил Одноглазый, отправляясь спать в свою каюту.

Зароптавшие было гребцы, получив несколько зуботычин, затихли, а потом, когда надсмотрщик задремал, аккуратно распяли на двух воткнутых в лавку лучинках заранее припасенную крысу. Пока крыса умирала, все сто гребцов молили Подземного, чтобы смерть Одноглазого была долгой, мучительной и, рассудительно добавляли некоторые, на суше.

Уловив мерзкий запах паленого мяса, надсмотрщик резко вывалился из сновидения, метнулся, щелкнув кнутом, к нарушителям пожарной безопасности, но обгоревшая жертва уже отправилась за борт (после краткой молитвы, вознесенной гребцами Морскому, о хорошей погоде на завтра).

Надсмотрщик – человек в общем и по-своему справедливый – ограничился одним ударом кнута, который, как водится, достался крайнему гребцу, прозванному Счастливым. Счастливчик взвыл, надсмотрщик удовлетворенно кивнул и вернулся к мачте вздремнуть.

Невдалеке что-то плеснуло. Надсмотрщик посмотрел, прищурившись, в ту сторону, потом обернулся к вахтенному.

– Рыбак, – сказал глазастый вахтенный.

– Повезло ему, – заметил надсмотрщик и лег на овчину.

Рыбаку действительно повезло. Притом дважды. Придя в порт, он выволок лодку на берег, заплатил медяк охраннику лодочной стоянки и быстренько отправился в портовую забегаловку, которую все именовали не иначе как «Клоака». Впрочем, слово это произносили даже с оттенком нежности.

В «Клоаке» рыбак уселся на свое обычное место около западной стены. Сидевший за тем же столом расфуфыренный сопляк из богатеньких на всякий случай забрал свою кружку и перебрался поближе к выходу, ибо глаза у рыбака горели огнем неутоленной страсти.

Но сопляк неправильно определил значение этого огня. Вовсе не жажда дать в рыло первому встречному была его причиной. Рыбака распирало желание поговорить. В море он сутками разговаривал с выловленной рыбой, с мачтой или кувшином, а сегодня хотелось не просто выговориться, но еще и услышать мнение собеседников.

Хозяин «Клоаки» принес кувшин с красным, грохнул его на стол перед рыбаком. Поставил миску с сыром и виноградом. Рыбой рыбаки не закусывали.

– Как рыбалка, Горластый? – спросил у вновь прибывшего Крюк, старик, который уже несколько лет в море не ходил по причине инвалидности.

– Камнеедам такую рыбалку, – прорычал Горластый. – Грязным, долбаным камнеедам.

– Ты об Одноглазом? – понимающе спросил Крюк.

Уже почти неделю проклятый пират шлялся вокруг порта, и в море отваживались выходить только самые храбрые, а также непроходимые идиоты и полные жмоты. Горластый успешно сочетал в себе второе и третье качества – он и рыбачил в одиночку оттого, что не хотел делиться прибылью.

– Одноглазый что! – Горластый отпил, не отрываясь, половину кувшина. – Одноглазый – акулье дерьмо! Одноглазый – беременная каракатица, помесь камбалы с морским коньком!

В углу кто-то хмыкнул.

– И нечего там ржать! – заорал Горластый. – Я знаю, что говорю. Да!

Вторым глотком Горластый осушил кувшин и демонстративно перевернул его вверх дном. Хозяин молча принес новый кувшин. Все знали, что кувшины у него хитрые, с толстенным дном, обеспечивающим неплохую экономию вина, но относились к этому как к

неизбежному злу. Ну да, хозяин жулик, зато в это заведение не могут ввалиться стражники с требованием вести себя потише. Стражники вообще старались к «Клоаке» не приближаться.

– Так что у тебя с Одноглазым? – спросил рыбак по имени Щука и хитро подмигнул приятелям.

– Одноглазый бросил якорь прямо напротив бухты, – сказал Горластый. – Прямо напротив нашего дерьмового порта. Я прошел мимо него на расстоянии вытянутой руки. Слышал, как он трахает свою рабыню...

– И жалел, что он не может то же самое проделать с тобой! – засмеялся Щука.

Все захохотали. Громче всех – агент Одноглазого в порту, который точно знал, что баб на корабле пират не терпит. Гомиков – тоже.

– Он п-перетащил свою л-лодку прямо через гал-леру, – выдавил из себя Заика.

Все снова засмеялись.

– Все это дерьмо, – не обиделся Горластый. – А вот что я испытал после захода...

– Да уж могу себе представить, – сказал Щука.

– Не можешь, – покачал головой Горластый. – Вы ж видели, как солнце...

– Видели, – сказал хозяин. – На Горе по этому поводу принесли в жертву две по две пары овец. И приказали закрыть городские ворота.

– Лучше бы они отправили пару кораблей да прижали бы Одноглазого, – буркнул Крюк.

В зале повисла тишина.

– Сейчас, – сказал Щука. – Сейчас вот они все бросят и станут гоняться за Одноглазым. Они ж у него сами скупают награбленное. Не знаешь, что ли? Вспомни, месяц назад Одноглазый захватил посудину с Розовых островов. И через пару дней на рынке уже продавалось вино с нее. Они даже печати с амфор не снимали.

Агент Одноглазого внимательно посмотрел на Щуку. Рыбачок был слишком глазастым и болтливый, а посему следовало подумать о его дальнейшей судьбе.

Богатенький сопляк с Горы тяжело вздохнул. Он пришел в «Клоаку» с совершенно конкретной целью – найти идиота, который за деньги был готов отправиться вместо него в армию.

Нет, вообще-то единственному отпрыску местного купца нравилась мысль пройтись по улицам родного города, поскрипывая ремнями амуниции и позвякивая медью доспехов. Военный стиль в одежде золотой молодежи стал последнее время популярен, и многие, даже девицы, носят сандалии армейского образца, с медными бляхами наголенников.

Но стиль стилем, а отправляться за море под стены Проклятого города не хотелось абсолютно. Слишком много за последнее время появилось на улицах инвалидов.

Нужно было искать замену, но пока никого не удавалось найти. Горластый подходил меньше других. Посему предстояло сопляку сидеть в провонявшей кожами, потом и пригоревшей чечевицей таверне и цедить из кружки кисло-соленое, разбавленное чуть ли не морской водой вино.

– А я говорю, что Одноглазый – ерунда. – Горластый успел опростать еще кувшин и стал несколько агрессивнее. – Вот когда солнце пошло к морю...

– Ну, на севере, на севере, – снова вмешался Щука.

– Ни хрена, – взревел Горластый и вскочил с места. – Я говорю – ни хрена. Солнце только опустилось к морю, а потом как поперло на запад... Низко так, над самой водой.

– Исключительно в боевой обстановке, – серьезным тоном поддержал Щука.

Пустой кувшин пролетел через весь зал «Клоаки» и громко лопнул, ударившись в стену над самой головой Щуки. Отбитое горлышко, отлетев, плюхнулось в миску с похлебкой, забрызгав сидящих за столом рыбаков, а крупный осколок прочертил царапину на ухоженной физиономии богатенького хлыща.

Одновременно взревели несколько голосов.

Хозяин таверны заорал что-то о битой посуде, помянув маму Горластого. Рыбаки, залитые липкой жижей, материли и конченого Горластого, и придуристого Щуку, и долбаного хозяина, не убирающего со столов остывшую жратву. Взвизгнул и богатенький, пытаюсь сгоряча возмутиться по поводу своей травмы. Сидевший рядом Щука походя врезал папану в рыло и заорал что-то Горластому. Но Горластый, оправдывая свое прозвище, не особо напрягаясь, перекрыл вспыхнувший гам.

Вначале он просто матерился, затейливо вплетая факты из биографии и родословной всех присутствующих в узор самых изысканных ругательств Семивратья, а потом, когда остальные смолкли, подавленные и смущенные мощью Горластого, перешел к изложению фактов.

Если опустить чистые эмоции и крепкие выражения, информации не несущие, получалось, что гребаное солнце, потыкавшись в долбаный Истинный горизонт на севере, в говенное море не нырнуло, а, завалившись, как шалава, набок, ломанулось к западу, отмечая свой след на воде шипящей полосой пара и тушками сваренной рыбы.

Выпрыгнувший сдуру из воды кит был солнечным диском разрезан на две половинки, верхняя из которых, с китовой головой, оказалась на солнечном диске сверху и шкварчала там до тех пор, пока полностью не сгорела. Воняло при этом мерзостно.

Рыбакам обычно верят мало. Горластому же не верили и рыбаки. Но в его сегодняшнем выступлении было столько убежденности и готовности отстаивать свою правду, что посетители «Клоаки», даже агент Одноглазого, смущенно смолкли. Особенно поражала воображение шкварчающая на солнце голова кита.

Первым нарушил тишину хозяин таверны:

– Ну, и хрена было кувшин молотить?

Заляпанные похлебкой рыбаки забормотали что-то типа: «Да, действительно, странно, что солнце... только задницу нужно в клочья рвать тому, кто кувшинами в живых людей бросает, козлу эдакому».

Что-то всхлипнул под столом приходящий в себя после оплеухи богатенький мальчик. Накопленный за вечер жизненный опыт убедил его ограничить свое недовольство именно этим всхлипом.

Агент Одноглазого, чуть нагнувшись, заглянул под стол, оценивая распухающее ухо пострадавшего, и подумал, что Щуку надо резать неожиданно, чтобы, не приведи Морской бог, не напороться на кулак.

А Щуку надо было резать обязательно, так как такое трепло могло рано или поздно вызывать в городе ненужные слухи.

Горластый же, выпалив наконец всю накопившуюся информацию (вместе с эмоциями), заплатил хозяину за уже выпитое и разбитое, после чего получил новую порцию вина.

В «Клоаке» каждый начал чего-то хотеть. Богатенький мальчик, которого отец именовал Младшим, очень хотел оказаться дома. Щука вовсе даже наоборот: хотел явиться домой как можно позже, чтобы оттянуть еженощную ссору с супругой, которая никак не хотела понять, что деньги заработать можно и потом, а вот пропустить заседание в таверне ну никак невозможно. Горластый отчаянно хотел напиться, чтобы забыть жуткую ухмылку кита, разрезанного солнцем, и рев кипящего моря. И если кто-то полагает, будто это желание было выполнить легче, чем первые два, то глубоко ошибается. Во-первых, Горластый был человеком выносливым, а во-вторых, вино в таверне обычно разбавлялось так, что результатом пьянки чаще всего бывал отказ мочевого пузыря, а не головы.

Агенту Одноглазого, который в порту назвался Купцом, очень хотелось побыстрее оказаться со Щукой в темном месте. Купец даже осторожно переложил кинжал из ножен за пояс.

Кто-то из рыбаков начинал хотеть девку, кто-то – спать, хозяин таверны хотел побыстрому собрать со столов полупустые тарелки, чтобы сформировать из объедков еще

несколько порций. Начальник патруля портовой стражи, затаившийся со своими бойцами шагах в двадцати от таверны, хотел подождать еще немного, чтобы командовать началом облавы. Начальник патруля был из ветеранов осады Проклятого города, получил, как утверждали, контузию и посему мог позволить себе такие нелепые выходки, как облава на территории порта. Валяющийся в канаве пьяница хотел спать. Уснувший за столом Крюк хотел проснуться, ибо во сне к нему снова приближалась акула, сожравшая лет семь назад его правую руку...

Кстати, и остальные обитатели Семивратья также чего-то хотели, в меру своих талантов и силы своего воображения. Но, как на следующий день сказал городской пожарный, «жизнь, падла, такая сука, что, блин горелый, звездой накрыться – как два пальца обсвить».

Дело в том, что правдивый рассказ Горластого был неполным. Просто Горластый не мог видеть, что раскаленный диск долетел до Истинного горизонта на западе и врезался в него с мерзким визгом.

Истинный горизонт подался назад, оттягивая за собой небесный купол и поверхность моря. Пара звезд с взявшегося складками неба рухнула в море, а еще немного растянувшийся Истинный горизонт замер, завибрировал, рождая полукруглые волны, а потом резко выпрямился, выплюнув сошедшее с ума солнце в ту сторону, с которой оно прилетело.

Так что в тот момент, когда Горластый закончил свой рассказ, несколько остывший диск двинулся в путь по новому маршруту. Кто-то из академических умников придумал, что прямую можно задать, указав две точки, через которые она проходит, – так вот, прямая, по которой двигалось солнце, проходила как раз через спящую на рейде галеру Одноглазого, к нижнему причалу.

Но...

Горластый был прав – солнце двигалось низко, почти над самой водой. Разве что всего в локте от поверхности. И двигалось быстро. Так что врезалось в небольшой скалистый островок, как раз перед спящей галерой Одноглазого.

Островок взорвался кусками гранита, а солнце в результате прошло немного выше корпуса галеры. Корпуса, а не мачты и надстройки на самой корме.

Вахтенный не успел и моргнуть, как все, что возвышалось над палубой больше чем на человеческий рост, было снесено за борт. Затем на галеру обрушился каменный град, и наконец горячая волна подхватила корпус галеры и вышвырнула его на берег. Туда, где за мгновение до этого был порт.

Был, потому что солнечный диск соскоблил с каменистого берега не только склады и сараи вкуче с таможней, но даже тонкий слой глины, заменявшей в Семивратье нормальную почву.

– Твою мать, – успел произнести начальник городской стражи.

Он еще успел обернуться на шум и странное малиновое зарево, надвигавшееся со стороны моря. Дальше его телодвижения уже от него не зависели. И начальника стражи, и его подчиненных подняло в воздух, смешало со щепками, глиной и мусором, несколько раз ощутимо приложило о бревна бывшей нижней городской стены и разбросало в живописном беспорядке по улицам слободы.

Все потом долго удивлялись, но из стражников не пострадал никто, а начальник так даже вроде бы избавился от последствий своей военной контузии – перестал устраивать облавы и засады и даже начал брать взятки.

Посетителям «Клоаки» повезло значительно меньше. Солнечный диск выворотил плоский скальный блин, на котором была построена «Клоака», и перевернул его, уложив поверх руин харчевни и доброй половины ее посетителей.

Горластый уцелел. Уцелели Младший, Щука, Заика... Агент Одноглазого тоже уцелел. Хотя сам об этом узнал только через сутки, когда был извлечен из-под обломков. Уцелел и хозяин таверны, удачно спустившийся в подвал во дворе как раз за секунду до удара. Уцелели даже его запасы выпивки и еды.

А вот верхушка Горы не уцелела.

Гора сделалась локтей на тридцать ниже. У Семивратья не стало большого алтаря, двух третей городского совета и изрядного количества уважаемых граждан, которые, как на грех, собрались зачем-то в пещере под алтарем.

Бог-громовержец остался без своего храма, Голосистая дева – без Священной рощи, Вояка – без Трофейного столпа...

Это был редкий случай, когда пострадали и люди и боги. Причем пострадали в равной степени, а не так как бывало, когда очередные варвары врывались в город и жгли храмы и святилища.

Теперь все пострадали из-за странных действий бога Солнца. И люди, и боги. Хотя уцелевших жителей Семивратья это не слишком успокаивало.

Ну а нелюбопытных жителей горной долины уж и вовсе ничто не волновало и не успокаивало, потому что и долины-то не осталось после того, как взлетевший вверх погасший солнечный диск описал дугу и обрушил горы, превращая долину в нагромождение валунов и обломков скал.

Там, где диск юзом съехал по гранитному крошеву, образовалось даже нечто вроде мощеной дороги – широкая полоса, соединяющая пролом в горной гряде с тем местом, где остановился на ночевку караван.

Зацепившись краем за песчаный бугор первого бархана, то, что раньше было солнечным диском, за вертелось в воздухе, словно подброшенная для гадания монетка, и смачно припечаталось к песку там, где была последняя стоянка каравана.

Шмяк – и наступила тишина. Только потрескв вал, остывая, диск и шуршал песок, оглаживая покрытую окалиной поверхность диска.

Даже пустынные падальщики не кричали то ночью.

... – Сука ты, Ясик, хоть и бог.

Скалы были цвета запекшейся крови. И темно-бордовые прожилки по ноздреватой поверхности Расселины напоминали омертвевшие кровеносные сосуды. И Расселина была похожа на глубокую рану в мертвой туше гигантского животного.

Кто-то нашедший мертвого великана взмахнул походя топором или боевой секирой, рванул оружие на себя, разрывая плоть, и ушел. Сволочь эдакая.

Сколько раз он уже видел эту Расселину... А сколько? Не меньше сотни. Точно – не меньше.

Первые несколько раз он даже не успевал ничего толком рассмотреть, а уж тем более запомнить. Он тогда еще не понял, что нельзя останавливаться, увидев гранитные стены цвета запекшейся крови. Он даже не успевал осознать, что происходило с ним в тот момент, почему вдруг горло рассекала боль и почему снова он оказывался в безумной темноте, в хаосе ожидания и обрывков сознания.

Это уже потом он сообразил, что тень, бросающаяся к нему навстречу, – не плод его воображения, не обрывок фантома, а реальный сгусток ярости и злобы. И он заставил себя запомнить...

Он прибавил к главной мысли, к единственной мысли, которую удерживал в памяти, несмотря на боль и пустоту, мысль вторую. Тень.

Можно было сделать только два шага по дну Расселины, а потом тень нападала. Бросалась к горлу. И с третьей или четвертой попытки он сообразил, что можно уклониться, перехватить эту тень и рвануть за горло уже ее...

И стало понятно, что это пес. Громадный, покрытый бурой шерстью пес. И стало понятно, что он не дается сразу, что нужно не просто схватить его за хрипящую глотку, а сжать ее изо всех сил...

А потом он понял, что пес этот не один.

И понятно это стало после того, как, оттолкнув от себя мертвое тело пса, он выпрямился, тяжело переводя дыхание... Он даже не удивился, что дышит, не успел удивиться. Просто в спину ударило что-то, и снова он оказался в Бездне, и снова нужно было напрячь все силы, чтобы запомнить, сохранить в памяти – вырваться отсюда, добраться до кровавого гранита, успеть перехватить первого пса и обернуться ко второму...

А потом – к третьему. Четвертый всегда атаковал сверху, в длинном прыжке, ломая ему позвоночник. А потом пятый пес, который напал не сразу, сделал паузу. Паузу настолько длинную, что он успел увидеть гранитные стены, прожилки и вены...

Первый раз он даже успел подумать об ударе топора, рвущем мертвую плоть, и даже разрешил себе поверить, что на этот раз – все. Что на этот раз удалось выбраться и никто и ничто не остановит его...

Пятый пес был самым подлым из всех: он вначале ломал ноги, а потом долго рвал тело в клочья, словно стараясь продлить мучения. Три раза пятый пес отбрасывал его назад, трижды заставлял проходить через Бездну, через четырех псов, прежде чем оказалось, что просто достаточно вовремя отступить в сторону, и тогда пятый пес поскользнется на мокром граните и беспомощно подставит спину под удар.

Трижды приходилось проходить весь путь сначала, прежде чем удалось убить этого пса и понять, что шестой и седьмой атакуют одновременно, не оставляя шанса.

И вот уже целых пять раз он, убив пятерых, сам погибал, разорванный дьявольской парой. Пять раз и неизвестно еще, сколько раз придется проделывать это, сколько раз умирать, захлебываясь собственной кровью и проклиная свое бессмертие.

Шестой и седьмой. Он вдруг понял, что слишком долго ждет нападения. Уже несколько ударов сердца, назад псы должны были одновременно броситься а него. Целых десять ударов сердца. Целую бесконечность. Целую вечность...

Он шагнул вперед, ровно на шаг заступив за ту не видимую черту, которую ему не позволяли пересечь два пса.

На шаг. Потом еще на шаг. Потом...

Потом стало понятно, почему шестой и седьмой и напали на него.

Они были мертвы.

И не просто мертвы, а иссечены, исколоты, залиты кровью – своей и человеческой.

Ее тут вообще было много, крови. Крови псов и людей. Кровь уже запекалась, застывая на оружии, на скрюченных пальцах, на лицах, на подернутых пылью глазах, на лицах и оскаленных мордах.

«Здесь была битва», – подумал он. И даже не обрадовался, что вспомнил еще одно слово. Новое слово. Битва...

Сотня людей... Среди них были женщины и дети, но все они сжимали в руках оружие. «Больше сотни», – подумал он.

И еще подумал, что давно не видел живых людей. То есть... Не только живых, но и мертвые тела ЖИВЫХ людей. Он помотал головой. Хорошо еще, что не нужно этого объяснять никому. Что не нужно рассказывать, что ТАМ просто не могло быть никого ЖИВОГО.

Расселина тут была значительно шире, и стены ее поднимались кверху, туда, где...

Он замер. За все время своих попыток он так ни разу и не смог посмотреть на небо. Да его, наверное, и не было видно там, в самом начале каменной раны. А здесь...

Небо было голубым. Настолько голубым, что он даже зажмурился. Он помнил, что небо должно быть голубым, но вот что оно настолько голубое...

У него даже закружилась голова.

Он вспомнил. Он вспомнил все. Он вспомнил, и ему даже стало страшно.

Он не мог выйти из Бездны. Не мог. Все было так устроено, что никто – ни он, ни кто-нибудь другой, более могущественный и сильный, – не смог бы выбраться, увидеть голубое небо, ощутить запахи, почувствовать лицом прикосновение ветра.

А он вышел. Смог. И псы...

Он оглянулся. Сотня людей, которые случайно оказались тут именно в тот момент, когда он прошел пятерых первых псов. Сотня жизней, которые были обменены на жизни...

А сколько всего было Псов Бездны? Он вспомнил, что их называли именно так – Псы Бездны. Их так называли, но не помнил сейчас, сколько зверей охраняет выход из Бездны.

Сколько их?

Он оглянулся, пытаясь сосчитать.

– Двадцать.

Он удивленно обернулся в ту сторону, откуда донесся голос.

– Их было двадцать, – сказал тот же голос. – На почти сотню этих чокнутых. Один к пяти. Я думал, что будет значительно хуже.

На краю Расселины, на самом ее краешке, там, где на фоне неба уж была видна трава, стоял парень. Живой. И он разговаривал. И улыбался. И поправил волосы, которые разлохматил налетевший вдруг ветер. И обращался к нему.

– Двадцать штук Адских псов, – сказал парень. – Я думал, что их меньше. Но все говорили, что должны они быть трехговыми, со змеями вместо хвостов. Тебя, кстати, как зовут?

Парень говорил на понятном языке, только как-то странно, менее певуче, чем привык Бродяга.

– Бродягой меня зовут, – сказал Бродяга и удивился, что не разучился говорить.

И еще Бродяга удивился тому, что не разучился врать. Его никогда не звали Бродягой. Он даже сам себя никогда не звал Бродягой. До этого момента.

– Интересное имя, – сказал парень. – Редкое.

– Его что, занесли в список запретных имен? – спросил Бродяга.

– Куда? – переспросил парень.

Бродяга поморщился. Похоже, многое изменилось с тех пор, когда... Не только произношение стало другим, но, похоже, и список запретных имен не так известен, как раньше.

– Двадцать Адских псов, – повторил парень, покачивая головой. – Целых двадцать.

Тени явственно скользили по граниту и становились длиннее. Вечер.

«Вечер», – подумал Бродяга. Еще одно слово, к смыслу которого нужно заново привыкать. Вечер – это когда солнце садится, темнеет небо и появляются звезды. И наступает ночь.

Бродяга вздрогнул и оглянулся на мертвых псов.

– Меня зовут Бес, – сообщил парень. Бродяга пожал плечами и наклонился, выбрав оружие поцелее. Меч.

Взвесил его в руке. Легкий. Взялся одной рукой за лезвие, а другой за рукоять и немного потянул, сгибая.

Меч послушно превратился вначале в дугу, а потом и в кольцо. И остался кольцом, когда Бродяга разжал одну руку.

– Ни хрена себе! – прокомментировал Бес. – А разогнуть сможешь?

Бродяга мельком глянул на парня, отбросил испорченное оружие. Меч звякнул на камне, откатываясь в сторону.

Глубина Расселины уже стала совсем темной, уже нельзя было различить цвета камней. Но Бродяга помнил, что они бурые, это темнота сделала их черными.

Темнота, которая словно выдавливалась из Бездны.

Бродяга увидел двухстороннюю секиру на длинной деревянной рукояти и присел. Легковато оружие, оценил Бродяга, но рукоять оказалась неожиданно крепкой.

Из глубины Расселины донесся странный звук. Словно кто-то зевнул после длительного сна.

Бродяга уже хотел выпрямиться, но его внимание привлекла фигурка на оборванной цепочке, лежащей возле трупа.

– Ты там остаешься? – спросил Бес. – Или пойдем?

Бродяга выпрямился, сделал несколько шагов и оглянулся. Тело одного из Псов пошевелилось? Или это только игра теней?

Пустыня.

Ноги увязли в песке. Песок начинался сразу за кровавым гранитом. Пустыня дышала, поскрипывала под ногами, струилась под ветром, но ни одной песчинкой не пыталась переступить Порог – невысокий, в палец высотой, барьер у начала Расселины.

Солнце уже стояло у самого горизонта.

– Так и будем стоять нагишом? – спросил Бес. – Как статуя священного дровосека?

Бродяга обернулся к Бесу.

Почему-то на лице Бродяги медленно появилась улыбка. И по мере того как она становилась шире, улыбка Беса гасла. Словно Бродяга перетянул к себе чужую улыбку.

– Псов Бездны двадцать пять, – вдруг вспомнив, сказал Бродяга. – Четверть сотни. Потому что всего их сто, а выходов из Бездны четыре. На западе, востоке, севере и юге. И Псам не дана смерть. Им даровано только временное забвение. До наступления ночи. Ночь, время Бездны на земле, исцеляет раны Псов, своих защитников, коим не дано переступить Порог и которые не дают его переступить никому из истинно живых.

Из Расселины донесся вой, полный боли и злобы. Бес вздрогнул и оглянулся.

– Это стихи, – сказал Бродяга. – Или, если быть точным, было стихами, пока я не перевел их с языка бродяг севера.

– Они там чего? – спросил Бес, указывая рукой в сторону расселины.

– Они там оживают, – сказал Бродяга. – Раны затягиваются, кровь, закипая, возвращается в жилы... Ну и так далее. Когда стемнеет окончательно, они снова будут готовы к употреблению.

– Я надеюсь, – сказал Бес, – что Порог – это вот этот камень?

– Давай останемся и проверим, – безразлично предложил Бродяга.

– На хрена нам такие знания? – сам у себя спросил Бес и сам же ответил: – Нам такие знания и даром не надо, и за деньги не надо. Во многом знании – многая печаль.

Он отошел от Порога и еще раз внимательно посмотрел на Бродягу.

– Я сегодня видел только двадцать Адских псов.

– Псов Бездны, – поправил Бродяга. – Пятеро остались лежать там, за поворотом.

– И сколько еще людей осталось там же? – спросил Бес.

Бродяга усмехнулся.

Лицо Беса стало совсем серьезным.

– Ты один прошел через пятерых Псов?

– А мы, кстати, почти одного роста с тобой, – сказал Бродяга.

– Если ты намекаешь на одежду, – Бес отряхнул свой плащ от песка, – то за вон тем барханом остались мои горбатые, а вон за тем – горбатые тех несчастных. И если мы не найдем чего-нибудь подходящего в моих тюках, то найдем, я думаю, в вещах покойничков.

– Лучше в твоих, – сказал Бродяга, подбрасывая на руке фигурку, подобранную в Расселине. – Мне не хочется брать ничего из вещей проклятых.

Солнце уже до половины утонуло в песках. Бес подошел поближе и внимательно посмотрел на фигурку. Сплюнул.

– Ты бы и секиру выбросил, – посоветовал Бес.

– На оружие проклятье не распространяется.

– А на амулет?

Край цепочки покачивался, свисая с руки Бродяги.

Вой усилился. Теперь выла вся стая.

– Твои горбатые ночью ходят? – спросил Бродяга.

Бес еще раз оглянулся в сторону входа в Бездну.

– Мои горбатые пойдут даже по снегу, – сказал Бес. – Если нужно.

– А плавать они умеют? – спросил Бродяга. И Бес не сразу понял, что это была шутка.

Они подошли к двум горбатым Беса, когда солнце наконец исчезло совсем. Как-то разом зажглись на небе звезды. Бродяга мельком глянул на них. Потом посмотрел внимательней. И от неожиданности присвистнул.

– Ты чего там увидел? – спросил Бес, снимая с горбатого тяжелую кожаную сумку.

– Созвездия, – ответил Бродяга.

– Ну, созвездия. – Бес вытащил из сумки скомканную одежду и бросил ее под ноги Бродяги. – Одевайся.

– Двенадцать? – спросил Бродяга, не сводя глаз с неба.

– Конечно. – Бес полез в другую сумку. Как оказалось, за обувью.

– А остальные где?

– Так все время только двенадцать и было, – сказал Бес. – Баран, Бык, Парочка, Рак, Лев, Баба, Чаши, Скорпион, Стрелок, Рогатый, Мельник и Рыбы.

Названия созвездий Бес перечислил чуть заунывным голосом сельского учителя, явно кого-то передразнивая.

– Раньше их было больше. А сейчас...

– Что сейчас? – быстро переспросил Бес.

– Пусто небо. Двенадцать созвездий. А вот тот фонарь... – Бродяга указал на громадную, в ладош величиной, звезду. – Неужели это Небесная ось?

– Это Северная звезда, – пояснил Бес. – Она...

– Она всегда на севере, – сказал Бродяга, – я помню.

– Угощайся, – сказал Бес.

Бродяга не сразу разобрал, что ему протянута кожаная фляга.

– Угощайся, – странным голосом повторил Бес,

Бродяга потянул носом и еле сдержался, чтобы не вырвать у Беса флягу.

Спокойно, приказал себе Бродяга. Слишком спокойным голосом предлагал ему Бес угощаться. Слишком спокойным был его взгляд. И слишком изучающим.

Запах из открытой фляги ударил в голову Бродяге, дыхание пресеклось... Пальцы на руках судорожно сжались.

– Что это? – спросил Бродяга равнодушно. Он надеялся, что спросил равнодушно.

– Это? – Бес усмехнулся криво, поднес флягу к своим губам, и тонкая струйка чуть светящейся жидкости на миг соединила его губы с горлышком фляги. – Это настойка из южных трав, – сказал Бес, осторожно вытерев губы. – Неплохо восстанавливает силы. А они тебе могут понадобиться. Нам нужно далеко ехать.

– Сейчас, – собрав всю волю в кулак, ответил Бродяга. – Я только оденусь.

Настойка из южных трав. Похоже, Бродяга выглядит полным идиотом. Хотя... Обычному смертному эта самая настойка не могла быть известна. Обычный смертный о ней мог только слышать и мог только мечтать.

Бродяга застегнул фибулу на буром шерстяном плаще и снова взглянул на Беса. Тот так и стоял, протянув флягу.

– Настойка... – сказал Бродяга и взял флягу. Запах усилился, начала кружиться голова.

Сам Бес отхлебнул из фляги уверенно. И после глотка не свалился в экстазе. А это значило, что пьет он нектар не в первый раз.

Нектар, птичье молоко, амброзия, пища богов... Бродяга медленно поднес флягу ко рту. Притвориться, что это у него в первый раз? Прикинуться, что первый раз дано Бродяге прикоснуться к бессмертию...

Хотя сам Бес не притворялся. Не считал нужным.

Усилился ветер, и песок хлестнул Бродягу по лицу. Шею рвануло плащом, забившимся на ветру.

«Не будем притворяться и мы, – решил Бродяга. – Какого рожна мы будем притворяться...»

...Он лежал на песке, широко раскинув руки. Правая рука сжимала рукоять секиры. Над головой медленно проплывали облака. Искристо-белое по пронзительно-голубому.

– Вот достойная смерть, – сказал чей-то голос над головой.

Бродяга посмотрел. Голос принадлежал темному силуэту, терявшемуся на фоне солнца. Бес.

– Почему смерть? – спросил Бродяга.

– Так, в голову пришло. Представь себе – битва двух великих армий, ты, подняв обретенный убитым сигнальщиком жезл, бросаешься вперед, увлекая за собой перетрусивших солдат... Потом, естественно, в грудь или в лоб тебе попадает один из зарядов пращи... Ты сам, наверное, знаешь, что пращники и прочие лучники норовят пристрелить именно таких вот шикарных парней с жезлами... И вот ты лежишь, рассматривая небо, тихонько прощаешься с жизнью, поражаешься, какое красивое небо и какая короткая жизнь... И вдруг тебя обнаруживает полководец противника, обходящий поле выигранной битвы. Полководец должен же сказать что-нибудь соответствующее моменту? Вот он и демонстрирует свое благородное отношение к чужой храбрости. И тебе, вместо того чтобы просто перерезать горло или оставить умирать, перевязывают рану и...

– Заткнись, – сказал Бродяга и сел. Мгновение назад была ночь. Теперь, судя по тому, что солнце горит прямо над головой, – полдень.

– Хорошо, – сказал Бес, – я заткнусь. Я буду молчаливым попутчиком. Только ты уж сделай одолжение, перестань валяться на песке и садись на горбатого. Никогда не видел, чтобы нормального человека настойка так сшибала с ног.

Бес не торопясь подошел к горбатым. Бродяга сидел на песке, прислушиваясь к тому, что творится внутри. Осторожно встал. Ему сейчас придется все делать осторожно.

Бродяга посмотрел на свою левую руку. Из кулака свисала цепочка. Талисман проклятых. Рука разжалась не сразу, пришлось постараться.

На ладони лежало то, что, в принципе, считалось неразрушимым. Еще вчера это была крохотная крылатая фигурка. Сейчас... Бродяга подбросил на ладони комок металла. Словно на воске, на нем отпечатались каждая черточка и складка его ладони.

Бродяга снова сжал кулак и оглянулся на Беса. Не стоило пока демонстрировать тому вернувшуюся силу. Достаточно, что он знает о пяти Псах Бездны.

То, что осталось от талисмана, упало на песок. Бродяга осторожно загреб его сандалией.

– Можно ехать, – сказал Бродяга.

– Тогда садись, – не оборачиваясь, ответил Бес. И только сейчас Бродяга понял, что именно делает Бес.

Осторожно налив в ладонь серебристую жидкость из фляги, Бес поил горбатых. И судя по тому, что горбатые принимают подношение спокойно, совершает это кощунство Бес не первый раз.

Что-то изменилось в мире, если вот так просто можно вливать в горбатую скотину мечту тысяч поколений смертных людей. Бродяга помнил как минимум три случая, когда всего за десять капель бальзама правители отказывались от престола.

Бес скормил животным стоимость сотни царств. А потом отряхнул еще пару царств с руки. И вытер ее о грязный плащ.

Бродяга подошел к горбатым. Бес указал ему на того, что был темнее, а сам сел на почти белого.

Бродяга оглянулся на бархан, за которым, по словам Беса, остались имущество и скот проклятых.

– Они отравили всех горбатых, – не оборачиваясь, словно почувствовав взгляд попутчика, сказал Бес. – Они знали, что не вернутся из Расселины.

– Знали, – подтвердил Бродяга.

Пустыня покачивалась в такт шагам горбатых. Ветра не было, и только облака медленно плыли высоко в небе.

«Чушь, – подумал Бродяга. – Над пустыней не могут плыть облака».

– Знаешь, – сказал Бес, – я ничего не боюсь. Ничегошеньки. А вот стать проклятым...

– Не нужно святотатствовать, – сказал Бродяга. Сейчас он наслаждался чувством защищенности.

Да, солнце светило изо всех сил, и воздух должен был обжигать горло и кожу. Но выпитый бальзам надежно защищал от всего этого. Даже яркий, слепящий свет солнца, многократно отраженный барханами, не резал глаза, а доставлял наслаждение.

– При чем здесь святотатство? – спросил Бес.

– Как это при чем? – немного даже удивился Бродяга. – Проклятие падает на тех, кто разрушил храм или святилище. Да еще только в том случае, если они отказались покаяться и принести искупительные жертвы... Или...

– Или, не подумав, не выделили самую красивую девушку деревни прокаженному бродяге, который оказался прогуливающимся божком Пересыхающего ручья, – в тон ему продолжил Бес. – Или если отец отказался принести в жертву богу Нужника последнюю корову, говоря при этом, что без ее молока погибнут дети.

– Чушь, – сказал Бродяга.

– Это почему чушь?

– А потому, что проклятие – дело страшное. И...

Бес хмыкнул:

– Конечно, страшное. Каждую секунду ты ощущаешь боль. Болит каждая косточка, каждый суставчик, каждая волосинка... Только смерть может тебя освободить, а вот сама смерть может прийти как избавление, только когда проклявший бог разрешит, когда позволит совершить подвиг в свою честь. А это может произойти через три десятка лет, или через сотню, или вообще не произойдет. И суждено проклятым вечно скитаться, мучаясь от все усиливающейся боли и бессмысленно мечтая умереть. Или начиная убивать от безысходности, превращаясь в проклятие окрестных земель. Их ведь не так просто убить. Нужно раз за разом отнимать у них жизнь... Раз за разом, раз за разом... Но никто не станет оказывать эту услугу проклятым, ибо осиротевшее проклятие обрушится на убийцу. – Голос Беса чуть дрогнул. – Так что те ребята в Расселине умирали с улыбками на лицах. И если бы они не

были проклятыми, то никогда бы не смогли убить Адских псов. Сколько раз проклятые умирали в той Расселине? Раз по тридцать, сорок? По сотне раз?

Бес замолчал.

Покачивалась пустыня, солнце медленно сползало к западу.

Бродяга чуть не ляпнул что-то вроде «А не преувеличиваешь ли ты, парень», но взглянул в лицо Беса и сдержался. Человек с такой тоской на лице не может поддерживать спокойный разговор.

– Ты куда дел талисман? – спросил, помолчав, Бес.

– Выбросил, – ответил Бродяга.

– А если кто-то найдет?

– Ничего, – сказал Бродяга, – я поднял его возле трупа, цепочка была оборвана. И кроме того...

– Что «кроме того»?

– Ничего, – сказал Бродяга. – Талисман уже не сможет действовать. Поверь мне.

Бес пожал плечами.

– Куда мы, кстати, движемся? – спросил Бродяга, чтобы сменить тему разговора.

– Вперед.

– А если серьезно?

– Мы движемся вперед, совершенно серьезно. От Расселины на запад. В славный Вечный город.

Бродяга оглянулся. Песок. Раскаленный белый песок. Солнце светит в лицо. Они действительно движутся на запад. К Вечному городу.

– А разве это не Южная пустыня? – спросил Бродяга.

– С чего ты это взял? – поинтересовался Бес.

– Элементарная логика. – Бродяга почувствовал легкое раздражение. – Существуют четыре выхода из бездны. Четыре. Северный – во льдах. Западный – на Островах в океане. Восточный – во Влажных лесах. И только южный – в пустыне. А если двигаться по Южной пустыне на запад, то можно попасть только в земли черных, а никак не в Вечный город. Или теперь Вечным городом называют какой-нибудь поселок охотников на гиен?

Бродяга даже добавил в свою интонацию иронии и сарказма.

– Нет, – ответил Бес. – Вечным городом называется город на семи островах и четырех реках. И от южного выхода из Ада, двигаясь на запад, можно действительно попасть лишь в земли черных. Только это... – Бес обвел руками пустыню вокруг. – Это не Южная пустыня. Это Великая восточная пустыня. И Влажных лесов здесь нет уже почти две тысячи лет. Здесь настигли Безумного бога. И была тут битва битвенная. Драка драквенная. Сам я долго не верил в то, что здесь были реки и леса, тем более Влажные, но получил подтверждение. Остатки этих лесов сохранились дальше на восток и юго-восток. Возле Восточного океана. И на Восточных островах. Неприятное, скажу тебе, это место – Влажные леса. Их недаром называют зеленым адом.

Бес еще что-то хотел сказать, открыл даже по этому поводу рот, но потом вдруг как-то насупился, наморщил лоб, словно вспоминая что-то, словно...

– Сколько ты, говоришь, пробыл в Аду? – спросил охрипшим голосом.

Бродяга сглотнул, еще раз оглядел пески.

Восточная пустыня. Даже Великая восточная пустыня.

Бес ждал ответа, не отрывая взгляда от лица Бродяги.

– Сколько? – переспросил Бродяга. – Сколько? В Бездне нет времени. Там есть только ужас и боль.

Бродяга издал какой-то странный звук: было похоже, что человек не смог сдержать то ли смех, то ли плач.

– Говоришь, пустыня здесь уже две тысячи лет? – спросил Бродяга.

– Да, – ответил Бес.

– А я и не знал, – сказал Бродяга. – Здесь было так зелено!

Глава 2

– *Сука ты, Ясик, хоть и бог!*

Море осторожно омывало галечный берег, аккуратно выкладывая камешки полосами – за черной полоской следовала белая, затем розовая, серая, снова черная... Потом появилась зеленоватая. Гальки из зеленоватого гранита на побережье было маловато. Можно было, конечно, наломать камней по какую-нибудь сторону Истинного горизонта, но Ясик не любил заниматься мелочами.

– А еще ты... – начала было Дева, но Ясик досадливо отмахнулся.

Волна словно споткнулась, и полоса из серых камешков превратилась в пунктир, перемешавшись с черной полоской.

– Я знаю, – сказал Ясик. – Я могу даже повторить все то, что ты обо мне сказала вчера, сегодня. Я знаю даже то, что ты собираешься сказать только завтра. И ты, Здоровяк...

Воин, тянувшийся к блюду с фруктами, замер, словно пригвожденный указательным пальцем Ясика. Рука остановилась над гроздьё фиолетового винограда, и всем стало видно, что крепкие пальцы Воина подрагивают.

Боги отвели смущенно взгляды от этого знака слабости. Они и сами чувствовали себя не лучшим образом, а кроме того, Воин, он же Здоровяк, он же Полководец, он же много еще разных громких и звучных имен, обладал характером вздорным и был достаточно злопамятен, чтобы отомстить свидетелям своего позора именно за то, что они были свидетелями.

– Не нужно на меня так коситься, – посоветовал, чуть улыбнувшись, Ясик, – или ты захочешь осуществить угрозу, читающуюся в твоём взоре? Мы можем заняться этим прямо сейчас и здесь...

Волны прибоя торопливо разгладили смешавшиеся было черную и серую полосы и принялись укладывать зеленоватую.

– Только я предупреждаю...

Голос Ясика оставался ласковым и вальяжным.

– Я предупреждаю, что так легко, как Мастер, ты не отделаешься.

Все оглянулись на сидящего в отдалении под деревьями Мастера, а тот, кашлянув, будто случайно поправил край одеяния, прикрывающего изуродованную ногу.

– Я понимаю, – голос Ясика стал приторным, – что ты у нас парень крутой, Силой не обделенный, и мне придется тратить много своей Силы, чтобы сохранить у тебя увечье надолго, но это того стоит – непобедимый Воин с изуродованной физиономией... Или без руки. Или...

О берег внезапно с грохотом ударила волна, разом превратив все полосы в туго скрученную спираль.

– Или я оставляю тебя без другой части тела, менее заметной. Но список героев, ведущих свой род от бога Войны, не будет пополняться очень длительное время. – Ясик наконец посмотрел на побледневшего Воина. – Так что, сразимся?

– Я... – выдавил Воин.

– Ты хочешь попросить у меня прощения за оскорбительные мысли? – приподнял бровь Ясик.

– Э-э... – Воин сжал руку в кулак и опустил ее себе на колено.

Мастер нервно потер свое колено.

– Не хочешь? – переспросил Ясик. – Значит, Мастеру повезло. Два уродца на сонм богов – слишком много. Да, Мастер?

Мастер недоверчиво посмотрел на Ясика, потом перевел взгляд на свою ногу.

– Ты согласен, Мастер? – спросил Ясик.

– Да, – до неприличия быстро и громко ответил Мастер.

Пролетавшее над островом облако замерло, дернувшись, приняло вдруг облик Мастера и медленно опустилось к поверхности моря.

– А ты еще не отвык от нормальной походки? – спросил Ясик у Мастера, не сводя взгляда с Воина.

Все тело Воина напряглось, мышцы вибрировали.

Облачный Мастер медленно опустился ниже, нога фантома скрылась в воде, а потом облако медленно поднялось вверх. Обе ноги были прямыми и здоровыми на вид.

– Ап! – воскликнул Ясик, по-цирковому подняв руки.

Мастер встал. Сделал шаг. Потом, помедлив немного, сделал другой, перенеся вес тела на ту, искалеченную несколько веков назад ногу. Потом сделал еще шаг. И еще. Подпрыгнул.

– А теперь ты. – Ясик вдруг оказался на ногах перед сидящим Воином. – Разомнемся, Здоровяк?

– Я приношу свои извинения, – еле слышно пробормотал Воин.

– Что? – переспросил Ясик.

– Я приношу свои извинения за оскорбительные мысли, – громко произнес Воин, почти выкрикнул, словно пытаюсь оттолкнуть голосом опасность.

– Вот как? – усмехнулся Ясик. – Тогда кто-то еще хочет меня оскорбить?

Все промолчали.

Мастер вообще не услышал вопроса, он несколько раз присел, наслаждаясь обретенной свободой движений.

– Ты, Красотка, снова хочешь назвать меня сукой? – Ясик обернулся к Деве.

Зрачки голубых глаз богини расширились.

– Не слышу.

– Ты сука, – медленно проговорила Дева. – Отвратительный в своей безнаказанности.

Очередная волна, накатывавшаяся на берег, вдруг замерла нефритовой стеной, гладкой и твердой.

– Сделаешь меня уродиной? – спросила Дева. – Глаза лишишь? Или подаришь мне кривую ногу?

Волна сжалась, превращаясь в светящийся зеленым столб, качнулась и приобрела черты Девы.

– Посмотрим, – задумчиво пробормотал Ясик. – Посмотрим.

Еще одна волна поднялась, превращаясь в хищно поблескивающее лезвие гигантского ножа.

Удар. Прочь отлетели руки водяной фигуры. Еще взмах лезвия – упали в море ноги. И наконец отлетела голова.

Ясик перевел взгляд с изуродованной фигуры на Деву.

– Вот странно, – сказал Ясик. – Берешь совершенное в своей красоте тело, отсекаешь ослепительно красивые ноги, божественные (извините за пошлый каламбур) руки, затем сносишь очаровательную голову – и что? Получаешь красоту? Ни фиги. Получается суповой набор для каннибала.

Обе волны потеряли твердость и обрушились на пляж, комкая спираль.

– Нет, Красотка, тебя я уродовать не буду. Тебя я люблю... – Ясик хмыкнул, взял с блюда, парящего в воздухе, гроздь винограда, оторвал губами ягоду. Смахнул с подбородка брызнувший сок. – Я настолько люблю Красотку, что даже объясню вам всем, почему это солнце вчера повело себя так странно. И почему так досталось вашему любимому Семивратью.

Ясик подошел к лежащему под деревом камню, остановился на мгновение. Камень, словно сделанный из воска, вдруг потек, приобретая форму кресла. Ясик сел:

– Значит, я, тамошний бог Солнца, просто сошел с ума и не справился с солнцем? И теперь, по-хорошему, должен не только принести вам свои извинения, но даже и возместить убытки? Да?

Все промолчали. Мастер, собравшийся было куда-то идти, оглянулся на Ясика и тихо присел на камень поодаль.

– Молчание – знак согласия, – констатировал Ясик. – Только это с вашей точки зрения. А вот с моей...

Волны перестали накатываться на берег. Они застывали, набегающая одна на другую, поднимались все выше и выше, словно складывая стену. Высокую, изумрудно-зеленую стену.

– Вот ты, Здравяк... – Ясик махнул рукой в сторону Воина, и тот вздрогнул. – Тебе Трофейного столпа жалко? А тебе, Красотка, Роши? А Громовержцу... Кстати, где этот засранец? А, вижу. Тебе, милый, храма жалко?

– Жалко, – выдавил Громовержец и замолчал, потрясенный собственной храбростью.

– Понимаю, – кивнул Ясик. – В кои веки успел затесаться не богом Осеннего покоса, а Громовержцем, да еще не где-нибудь, а в Семивратье... И вдруг – бац! И нет храма. Красивый был храм.

Громовержец отвел взгляд.

– Кстати, – в голосе Ясика зазвучало почти искреннее любопытство, – а ты не интересовался у своего тамошнего аватары, что это за пещера была под самым храмом? Для чего там поставили алтарь? И что самое интересное, кому на этом алтаре приносили жертвы? И что самое главное, какие жертвы? А? Какие?

К концу фразы голос Ясика приобрел звучание черной бронзы. Волны все застывали, набегающая друг на друга, стена росла, чуть выгибаясь к берегу, и теперь казалось, что это не стену, а свод, купол строят волны. Стих ветер, не в силах преодолеть это препятствие, а цвет солнечных лучей, пробивающихся сквозь свод, стал зеленоватым, окрашивая лица богов в зеленые оттенки страха.

– Вы не знаете? – переспросил Ясик. – А я знаю. Знаю. И принял меры, чтобы ваше задрипанное Семивратье уцелело. И чтобы его войско не было отозвано от стен Проклятого города.

Зеленоватые лица, зеленоватый песок и алые цветы начали медленно чернеть, словно от ужаса.

– Проморгали ваши семивратьевские ипостаси, прозевали. – Ясик улыбнулся. – Как можно было так проколоться и проглядеть святилище Разрушителя на Горе? И почти сотню его поклонников? И то, что они уже успели принести в жертву десятка три человеческих жизней? И ваши воплощения, которые должны были следить за всем в Семивратье, просрали это совершенно категорично. Случайно? Случайно проморгали Кровавую жертву?

Прозрачный зеленоватый купол со странным шелестящим звуком опустился на песок за спиной вскочивших со своих мест богов, но никто не оглянулся. Их взгляды были прикованы к Ясику, к Ясноглазому, к Верховному богу.

– Так, может быть, кто-то из вас – Разрушитель? Кто-то из вас тот самый, из-за кого я, например, уже довольно долго плохо сплю? Или вы все стали триединым Разрушителем? И таким образом умудряетесь баловаться Кровавой жертвой, не выдавая себя?

Остальные боги отшатнулись, и Дева, Воин и Громовержец почувствовали, как вокруг них начал стягиваться узел Общей Силы. Гигантская рука обхватила их и стала сжимать, будто травинки или колоски.

Ясик молча смотрел, как искажаются лица всех троих. И на лицах этих был только страх, беспредельный ужас и ожидание мучительного продолжения. Они даже не пытались отстраниться друг от друга или вырваться. Они знали, что в случае такой попытки на них

обрушится Удар. А противостоять Удару Общей Силы не смог бы никто, даже Верховный. А потом – Бездна. Бездна.

– Я вначале так подумал, – сказал Ясик, – а потом понял, что вы невиновны. Это не вы – Разрушитель. Не все вы. Может быть, кто-то из вас. А может, кто-то из них. Но точно – не я.

Сила отступила, выпуская тройку из тисков. Остальные облегченно вздохнули. Все – это заметил Ясик. И все, похоже, были искренни. И снова не удалось определить, кто же именно Безумный бог, принявший имя Разрушителя.

– Успокойтесь, – сказал Ясик, – пока еще не настал момент битвы. И Безумный, кем бы он ни был, еще не обрел нужной мощи. И ваше гнилое Семивратье еще постоит лет пятьсот–шестьсот, пока в нем снова не заведутся сторонники Разрушителя. Хотите, чтобы в других городах солнце не устраивало таких же разрушений, – либо смените аватар, либо заставьте их работать, а не только девок портить и амброзию жрать. Следите за ними. Хорошая ипостась – это контроль и учет. Учет и контроль. Вы должны быть для своих воплощенных непостижимы и внезапны, как вода с неба.

Изумрудный свод вдруг обрушился на богов, сшибая их с ног. Вода сорвала листья и цветы с деревьев, смыла мелкий белый песок с мраморной площадки.

Только Ясик остался сухим и невозмутимым среди криков и ругани богов.

– Вот, приблизительно так, – сказал Ясик. – Внезапно и яростно. Так и солнце срезало верхушку с Горы, как с яйца всмятку. А вместе с верхушкой – всех семивратских поклонников Разрушителя и его тайное святилище. И никто не узнает, что именно произошло в Семивратье. И союзники тамошнего царька выразят ему свое сочувствие, а не отправят свои корабли в город, пока еще не восстановлены стены. И не нужно будет вырезать ВСЕХ. Обошлись малой кровью, могучим ударом. Просто солнце сошло с ума. Так и настройте своих аватар. Или...

Он задумался, с легкой усмешкой рассматривая, как боги приводят себя в порядок, старательно не глядя на Ясика и ни словом не выражая своей злобы по поводу купания.

Дева быстро поправила прическу, мельком взглянула на искалеченные деревья и кусты и легко взмахнула рукой. Через мгновение ветки снова зеленели, а цветы распространяли благоухание.

– Лучше пусть они расскажут, – медленно и торжественно произнес Ясноглазый, который любил, когда его зовут Ясиком, – пусть они расскажут, что сын бога Солнца попросил разрешения вчера самому проехать на огненном диске по небу, но не справился с управлением, попер на север, стал терять высоту, выжег хрен знает сколько земли – кстати, никому не нужно втихую выжечь пару-тройку деревень? – и тогда Громовержец, да-да, именно Громовержец своим перуном разнес диск вдребезги, приложив заодно и Семивратье. Подробностей пусть придумают сами. Я думаю... – Ясик аккуратно доел виноград и отбросил веточку в сторону. – Я думаю, что никто из нас не будет возражать, если пострадавшие боги этой ночью осуществят пару-тройку чудес. Нечто вроде внезапного возникновения нового Храма, Столпа и Рощи. Ведь никто не будет возражать?

Молчание.

«Еще бы», – подумал Ясик.

– И кстати, оно, может, и к лучшему, что люди получают дополнительный урок того, что боги сами решают свои внутренние проблемы. И наверное, следует все время держать одного наказанного на виду у остальных, чтобы они помнили о Силе. Вот как у нас... – Ясик вдруг осекся. – Лажа получается. У нас теперь не осталось наказанного. Хромого я отпустил, а Вояку так и не искалечил. А Силы у меня до фига, всю никак не израсходую за день, а на завтра – снова люди подкидывают. Любят меня люди.

Боги стояли неподвижно.

– Ну не калечить же мне Воина? – сам у себя рассудительно спросил Ясик. – Тем более что ему еще столп восстанавливать. Дева у нас – символ красоты, да и на эту ночь у меня на нее другие планы.

Дева передернула плечами, но не возразила. Ясик усмехнулся.

– Есть выход, – после паузы сказал он. – Я ведь Хромого не простил, мне просто показалось, что два уroda – слишком много. А ни одного – слишком мало. Посему... – Ясик обернулся к побледневшему разом Мастеру: – Извини, брат, такие дела.

Мастер закричал, хватаясь за ногу. Было слышно, как хрустит, сгибаясь, кость, как рвутся связки и сухожилия.

– Больно? – спросил Ясик у Мастера, а потом тем же тоном, без паузы, у остальных богов: – Жалко?

Боги промолчали. Мастер вскрикнул еще раз и затих, всхлипывая и поглаживая вновь искалеченную ногу.

Ясик встал с кресла, которое тут же превратилось в камень, потянулся и посмотрел на солнце, идущее к горизонту.

– Мастер! – окликнул Ясик не оборачиваясь. И еще раз, чуть громче: – Мастер!

– Да! – выдал из себя Мастер, все еще лежа на песке.

– Хреново работаешь, брат. Смотри, какая красота – настоящее солнце. Смотри, как играют, скользят краски перед закатом. Как море окрашивается в безумной красоты оттенки! А что твое солнце, елозящее от Истинного горизонта к Истинному горизонту? Просто раскаленная лепешка какого-то металла.

Мастер еле слышно застонал.

– Ты работай, братела, работай. Здоровье нужно заработать.

Ясик постоял, не столько рассматривая закат, сколько давая возможность богам разойтись. Потом медленно спустился к морю. Присел на корточки.

Волна осторожно потерлась о ногу Ясика. Потом робко приподнялась и, мгновенно обретая черты женского лица, поцеловала его в губы.

«Да, – подумал Ясик, – никто меня не любит, только вот волна. И то потому, что я потратил на это толику Силы. Я могу позволить себе такую вот вольность с волной. И остальные боги тоже могут, но не сделают этого – экономят. Берегут свою бесценную Силу. Хотя они тоже могли бы построить купол из морских волн, они могли бы сломать ногу Хромому и не давать ране зажить. Смогли бы, но для этого им снова понадобилась бы Сила и готовность ее потратить. Сегодня. Зная наверняка, что завтра не иссякнет поток, идущий от храмов, святилищ, алтарей... Но они этого не знают, они боятся, что завтра вдруг что-то произойдет, как в свое время произошло с Алым».

А вот заставить бронзовое солнце выплясывать так, как сделал это вчера он, – им слабо. Им пришлось бы объединиться и истратить все, что удалось нажить за долгие дни скопидомства.

Интересно, кстати, а хватило бы их объединенной Силы для того, чтобы победить его, Ясноглазого? Интересно...

Ясик сел на песок, прямо возле прибоя, и волны стали разбегаться в стороны, чтобы не замочить его одежды.

Они никогда не решатся испытать свою Общую Силу. Никогда. Они не знают, что выйдет из этого испытания, ведь Ясик силен. Он действительно силен. Но и он никогда не решится вызвать их всех на поединок одновременно. Он... Ясик огляделся, словно кто-то мог подслушать его мысли. Он боится. И с тех пор, как один из них научился принимать Кровавые жертвы, не выдавая при этом своего безумия, Ясик потерял покой.

Он помнил, какой была битва с Безумным... Та, единственная, которая выпала им всем. Он и сейчас еще ощущал на своем теле мощь ударов, которые обрушивал Безумный на них всех.

Тогда ему на мгновение показалось, что Безумный победит, что следующий удар просто смешает их всех, бессмертных и прекрасных, с прахом и уделом их станет Бездна, которую они готовили для Него.

Ясик очень хорошо помнил и свой ужас, и ощущение своего бессилия, изрядно приправленного безысходностью, и нахлынувшее отчаяние... Может быть, именно это самое отчаяние и помогло ему тогда. Помогло тогда им всем.

Что-то полыхнуло, и наступила тишина. Они стояли посреди пустыни, раскаленной той самой вспышкой, и среди них не было ни Безумного, ни Алого. Потом начался дележ освободившихся территорий и титулов, осиротевшие аватары метнулись к богам, выискивая себе сильного и надежного покровителя... Веселое было время, настолько веселое, что боги даже перестали вспоминать и Алого, и Безумного.

Тогда им казалось, что самое страшное удалось преодолеть. Еще бы – они смогли укротить Безумного! Они выстояли.

Ясик оглянулся. Никого не видно. Все бессмертные расползлись по норам и зализывают раны на своем достоинстве. На своих гордости и самолюбии.

Мастера даже немного жалко... Немного. Совсем чуть. Самую малость. Кроху. Совсем не жалко. Нельзя быть таким рохлей и идиотом. Погорев один раз, он решил, что униженным раболепием – бог! – он сможет заслужить прощение. И сейчас он небось уже обдумывает, как можно придать своей подделке вид настоящего солнца.

А вот Дева, Воин и Громовержец... Это получилось славно. Эти трое – наиболее реальная угроза его Силе. Может, ой может наступить такой страшный момент, когда по какому-нибудь роковому стечению пик их Общей Силы может совпасть с его минимумом. Остается только радоваться, что святилища всех трех были там, на Семивратской горе. Теперь они поостерегутся даже разговаривать друг с другом. Даже встречаться перестанут, чтобы остальные их не заподозрили... Классно он придумал это – насчет триединого Разрушителя. Теперь любое объединение, любая беседа между богами будет выглядеть очень подозрительно в глазах остальных. Вот так-то, детки. Вам еще тянуться и тянуться до уровня Ясноглазого. Он умнее их всех, вместе взятых. Хотя...

Сердце вдруг задержало удар.

А если и вправду Разрушитель, или Безумный, выдающий себя за Разрушителя, действительно образ собирательный? И пока мы внимательно следим друг за другом в момент Кровавых жертв на алтаре Проклятого города, они... Как им это удастся – не выдать себя в этот момент? Это ведь невозможно. Невозможно этого скрыть. Ни новой дозой амброзии, ни выбросом или накоплением Силы...

Он должен найти ответ. Именно он. Именно Верховный бог. Потому что... Ясик снова посмотрел на берег. Об этом лучше даже не думать. Все произойдет, как он спланировал. Трое сегодняшних погорельцев будут совершать чудо, причем Воин будет помнить, что все видели его позор, а Громовержец оценит то, что Ясик лично ему не угрожал. Все остальные же будут благодарны за то, что он их не впутал в историю с тайной пещерой.

И все без исключения будут признательны ему за то, что он спас целый город, источник больших объемов Силы, и что указал всем на существующую угрозу. Сегодня-завтра у ипостасей начнется трудный период. Парочка может вообще потерять свое место. А это значит, что можно подсуеиться и подставить в качестве преемника своего человечка, мечтающего стать богом. Тот немного поработает на своего нанимателя, а потом вдруг в один прекрасный день перейдет на работу к нему, к Ясику.

И еще чуть-чуть, еще на самую малость увеличится Сила Ясноглазого и уменьшится Сила остальных. И значительно проще будет соблюдать принцип, который он себе когда-то установил. Простой и надежный принцип: его Сила должна быть всегда больше суммы Сил троих следующих за ним богов. Это принцип верховенства. Эта основа Власти.

А все остальное – бред и слезливые рассуждения.

Ясик почувствовал, как зашевелились вдруг под ним камешки, словно тысячи мелких суетливых жучков. Верховный встал. Отступил на несколько шагов, чтобы не мешать гальке выстраиваться по-новому. Он не приказывал ничего, и это значило, что кто-то осмелился...

Камешки торопились, словно стараясь успеть до того момента, пока у него не лопнуло терпение. Черные и белые камешки бежали к своим, только им известным местам, а остальные, словно накипь, сползали к морю, открывая взору Ясноглазого надпись из трех слов.

Никакой фантазии. Эту фразу он сегодня уже слышал несколько раз. И ему наплевать на эти жалкие попытки уколоть его. Наплевать. Ему все равно, что именно думают и люди, и бессмертные. Ему наплевать, какие надписи они выкладывают из разноцветных камешков.

Ясик отвернулся от берега и пошел в глубину Роши, к своему дому. Шел он легкой походкой, непринужденно помахивая сорванным цветком. Ему было наплевать на эту идиотскую надпись. Наплевать... Наплевать?

Пляж словно взорвался, взметнув к небу все камешки. Вихрь с моря, зачерпнув по дороге воды, схватил гальку, взболтал, потом сжал в громадный ком и зашвырнул его далеко от берега. Жаль, что нельзя так же легко вычислить и зашвырнуть этого писака.

Всплеск моря возле самого горизонта. Возле Ложного горизонта. Жаль, люди, накрытые куполами Небосводов и ограниченные Истинными горизонтами, не смогут увидеть этого падения. Они бы придумали еще пару-тройку мифов по этому поводу. Хотя...

Ясик задумался, прикидывая. Да, в Восточном мире сейчас как раз ночь. Наблюдателей все равно не было бы. Все должны спать.

Но спали, как водится, не все. Что бы там ни предполагал сам Верховный бог, некоторые из смертных умудрялись кое-что делать по-своему.

Например, предводитель шайки пустынных разбойников, прозванный караванщиками Младшим драконом, считал, что ночью спать нельзя ни в коем случае. Вернее, можно, но не в местах работы. Дома – да. Дома, в оазисе, можно с утра и до вечера нежиться в благоуханной тени сада, а ночью спать. Но, отправившись в поход, лучше всего забыть о нормальном человеческом распорядке.

Когда умирал его отец, которого все называли просто Драконом, Младшему дракону было сообщено место захоронения награбленного отцом богатства и несколько самых главных принципов, позволивших отцу почти сорок лет удачно промышлять в пустыне на караванных путях.

Первый принцип – никогда не собирать крупный отряд. Максимум – человек сорок. Это если придется брать особо крупный караван. Лучше всего действовать небольшими группами по десять—пятнадцать всадников.

Второй принцип – всегда делиться с правителями здешних мест. Никто из местных царьков и вождей еще не отказался от тюка, прибывшего на рассвете к дворцу или шатру. Но не только драгоценностями нужно делиться с сильными мира сего. Еще с ними нужно делиться информацией. Ну разве трудно сообщить правителю северного оазиса, что ты совершенно случайно встретил в пустыне воинов правителя оазиса южного? Нетрудно. А правитель будет тебе благодарен.

Третий принцип – всегда знать, что происходит вокруг. Экономить на шпионах – не бережливость, а глупость. Говоря об этом, Дракон так взволновался, что даже приподнялся на смертном ложе. Список агентов и суммы их гонораров были заботливо переданы единственному сыну и наследнику.

Четвертый принцип – засады никогда не бывают тихими. Или конь заржет, или что-то взбредет в голову горбатому, оружие лязгнет или звонко лопнет тетива... К тому же с горохом в брюхе очень трудно сохранять тишину и быть незаметным. Посему – засада как метод добычи отметался Драконом полностью и, как показал его богатый и, самое главное, долгий жизненный опыт, небезосновательно. По причине своей шумности все засады против обоих Драконов были безрезультатны.

Пятый принцип вытекал из первых четырех. Нападать следовало на небольшой караван, ни в коем случае не принадлежащий правителю, атаковать нужно было с ходу, используя в основном угрозу силы, а не ее применение. И лучше всего сразу после восхода. Ночью охрана каравана начеку. Под утро, когда всех очень сильно клонит ко сну, умный караванщик посты удваивает, да и к тому же каравану следует выходить в путь до восхода беспощадного солнца. Додремать можно и в седле.

Вот тут-то и появляется Младший дракон, весело проносится вдоль каравана, сшибая с горбатых зазевавшихся путников и выхватывая арканами двух-трех путешественников побогаче.

Потом останавливается в сотне шагов от головы каравана и терпеливо ждет, пока кто-нибудь из караванщиков не подъедет для переговоров. Естественно, умирая, отец рекомендовал не злоупотреблять этим методом, и сын волю Дракона исполнил.

Творчески используя наследие, Младший дракон иногда получал мзду от караванщиков еще до выхода каравана из города. В конце концов, стрела из-за бархана, да еще обильно смазанная ядом королевской сколопендры (верят же горожане в разных чудовищ пустыни), – вещь неприятная. И демон его знает, в кого именно эта самая стрела угодит.

Иногда договаривались с караванами после их прибытия на место, иногда – в пути. Один раз особо упрямый караванщик был вынужден раздумывать над колодцем, пытаясь понять – вода действительно была отравлена или это просто уловка Младшего дракона.

Вода, конечно же, отравлена не была, разбойник не полный кретин, чтобы уничтожать колодцы в пустыне. Но якобы противоядие было торжественно передано якобы отравленным в обмен на большую часть товара.

Принципы у отца Младшего дракона были очень полезные, и было их наверняка куда больше пяти, но остальные он не смог поведать убитому горем наследнику. Просто не успел. И помер, резко выдохнув воздух после слова «в-шестых»... Какая именно мудрость заключалась в шестом принципе Дракона, Младший дракон так и не узнал. Возможно, мудрый старый разбойник предупредил бы сына, что не стоит устраивать ловушку для двух путников, следующих от Адской щели. А сам сынок этого не понял. И, заметив в ночи костер, осторожно прокрался почти к самому огню, оставив вдалеке три десятка своих разбойников. Утром ожидался большой караван, посему Младший дракон собрал практически всю свою банду.

Даже проскользнув почти к самому кострищу, Младший дракон не почувствовал всей опасности своего положения, и винить его в этом было достаточно сложно. Путников было двое. Всего двое, отметил про себя Младший дракон. Внешние данные обоих особо не потрясали, один выглядел немного уставшим (или потрепанным, что ли), и, может быть, именно поэтому он почти не говорил, отвечая иногда на вопросы второго.

Вот тот казался человеком успешным и довольным и собой, и жизнью. В поясе таких парней обычно спрятано несколько десятков монет, и умирать такие парни обычно не торопятся. Младший дракон, во всяком случае, так подумал, увидев, как жестикулирует этот второй путник, как смеется каким-то своим странным шуткам, как уверенно поправляет застежку плаща, которым предусмотрительно прикрылся от ночной пустынной прохлады.

К самому разговору Младший дракон не прислушивался. Так, краем уха зацепил что-то о горизонтах, Истинном и Ложном, и что-то о проклятых. При упоминании проклятых

Младший дракон насторожился было, чуть подвинулся вперед, и под правой рукой что-то маленькое и мягкое пронзительно заверещало.

– Это песчаная мышь, – сказал, прервав рассказ, Бес.

– Что ты говоришь? – изумился Бродяга и даже немного наклонился к костру, изображая это самое изумление. – Только визжит она так, будто кто-то на нее наступил. Внезапно и злонамеренно.

– На нее кто-то и наступил, – уверенно сказал Бес. – Какой-нибудь из пустынных разбойников. Как бы не сам Младший дракон.

Младший дракон, успевший не только придушить ненормальную мышь, но даже отступить на пять локтей в ночь, замер, услышав свое имя в такой необычно лестной форме. Приятно, демоны побери. Лихой разбойник приосанился, насколько это возможно, лежа брюхом на бархане.

– И что мы будем делать? – спросил Бродяга, как бы случайно поправив лежащую рядом секиру.

– А что мы должны делать? – спросил в свою очередь Бес. – Этот ненормальный сейчас ползает вокруг нас, прикидывая, как с нами лучше разобраться, а его приятели поодаль ждут сигнала или команды. Приятелей этих человек пятнадцать...

Тридцать, мысленно поправил Младший дракон, отползая от костра. И тот, кого вы назвали ненормальным, сейчас вернется с этими тремя десятками и поговорит с вами. Ой как поговорит!

Болезненное самолюбие было слабым местом Младшего дракона. И настолько это самолюбие было болезненным, что отвлекло внимание разбойника от нелепости поведения пары у костра. Они не запаниковали, не стали хвататься за оружие или пытаться умчаться в ночь на своих горбатых. Они спокойно продолжали беседовать, причем не просто беседовать, а рассуждать о количестве разбойников, готовящихся на них напасть.

Изумление Младшего дракона стало бы вообще безграничным, если бы он задержался возле костра еще немного. Путники, словно забыв о разбойниках, вернулись к своей праздной беседе.

– Подожди, – сказал Бродяга.

– Жду, – с готовностью согласился Бес.

– Горизонт – это... – Бродяга чуть поморщился, поняв, что выглядит сейчас как мальчишка перед учителем. – Это иллюзия. Это линия, где якобы небо соединяется с поверхностью моря или суши.

– Ну да, – согласился Бес. – Это и вправду горизонт. Только Ложный горизонт. Ложный.

«Ложный» прозвучало протяжно, словно Бес уже немного утомился, объясняя очевидные истины тупому собеседнику.

– А вот Истинный горизонт – это место, где небо и земля **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** соединяются. Или небо и море.

– Бред, – сказал Бродяга.

– Сам ты бред, – по-мальчишечьи обиделся Бес. – Я шупал это самое небо этими вот руками И даже попытался проколоть дырку, чтобы глянуть, что за ним...

– И? – спросил Бродяга.

– И получил по шее.

Откуда-то издалека донесся свист. Длинный, а по том два коротких.

– Ну вот, – сказал Бес, – я же говорил, что это был кто-то из разбойников.

Бродяга досадливо отмахнулся:

– Кто тебе по шее двинул?

– Кто надо, тот и двинул, – сказал Бес. – Но небо было небом, а не массой воздуха, как тебе хочется. Оно немного прогибалось под ударами, а нож его не то что не смог прорезать – даже царапину оставить не удалось.

Послышался еще один свист, с противоположной стороны.

– Окружают, – отметил Бродяга. – Развелось их тут...

– А раньше их здесь не было, – язвительным тоном сказал Бес.

– А раньше здесь были Влажные леса, и любой человек, разбойник он или жрец, погибал в них нехорошей смертью самое позднее через два дня. Если, конечно, он не был местным жителем и не следовал по дороге от одного алтаря к другому. В этом случае, если жертвы приносились своевременно и в полном объеме, даже ребенок мог спокойно добраться от одного края лесов до другого.

– Складно врешь, – сказал Бес, лениво протянул руку и подтащил к себе один из своих кожаных мешков. – Если эти пустынные идиоты сейчас на нас полезут, то сразу после моих слов «просвещу вас» ты закрой глаза, досчитай до пяти и можешь снова открывать.

– Ты просветишь, пожалуй. – Бродяга потянулся, разминая плечи.

Ощущение счастья и радости от каждого движения уже оставило его. И это было даже хорошо. Амброзия давала ощущение эйфории, но не могла избавить от мысли, что все это ложь. Что все это навеяно именно этой проклятой и благословенной жидкостью. А вот естественное чувство покоя возле костра, легкое движение воздуха, заставляющее чуть колыхаться небольшие языки пламени, – вот это было действительно великолепно. Особенно после двух тысяч лет Бездны. Но об этом Бродяга уже почти научил себя не вспоминать.

Бес достал из сумки флягу, отпил пару глотков и протянул ее Бродяге.

Тот молча покачал головой.

– Как знаешь, – пожал плечами Бес. – Как знаешь...

– Добрый вечер, – сказал Младший дракон, не выходя из темноты на освещенное место.

Бродяга обернулся, но не на голос, а в ту сторону, откуда послышался легкий скрип тетивы.

– Вечер добрый, – ответил Бес спокойно. – Дальше понесешь свою задницу или дашь нам на себя посмотреть?

Младший дракон медленно, короткими бесшумными шагами вышел из темноты и остановился на самой грани освещенного круга. И превратился в свое плоское изображение на темном фоне ночи. Отблески огня елозили по его скуластому лицу, тщетно пытаясь отразиться от глубоко посаженных глаз.

– Младший дракон, – сказал Бес.

– Угадал, – сказал Младший дракон.

– А чего здесь угадывать? – Бес пренебрежительно щелкнул пальцами. — Только такой болван, как ты, мог полезть к двум путникам, даже не пытаясь выяснить, кто они и откуда. На хрен было окружать своими баранами стоянку льва?

Младший дракон набрал воздуха в грудь и тут же выдохнул его. Оскорбление было нанесено. Причем в присутствии всей банды. С другой стороны, нанесено оскорбление было очень спокойно, с сознанием силы, и упоминание стоянки льва не выглядело просто фигурой речи.

– Грабить приперся? – спросил Бес. Младший дракон скрипнул зубами, и звук этот словно obeжал весь освещенный круг. Каждый из разбойников пережил очередное унижение главаря. Казалось, темнота давит на свет костра с такой силой, что языки пламени начинают крошиться от этого давления.

– Я... – начал Младший дракон, но закончить не успел.

– Чем у вас сегодня смазаны стрелы? – спросил Бес. – Ядом королевской сколопендры или дерьмом малой пустынной глазовертки? Или потом самой толстой жены Младшего дракона? Чем сегодня вы будете нас пугать?

Правая рука Младшего дракона дернулась к поясу, за кинжалом, но замерла на полпути. А вот у кого-то из членов банды нервы оказались не такими крепкими. Щелкнула по кожаному нарукавнику тетива.

Бес почти лениво вскинул руку, но пальцы сжали воздух. Бес недоверчиво посмотрел на руку, потом перевел взгляд на Бродягу.

Тот задумчиво вертел стрелу, рассматривая ее наконечник.

– Чисто, – сказал наконец он, бросая стрелу в огонь, как дрова. – А разговоров... Яд, яд...

– Если кого-нибудь из этих засранцев поймают и найдут при нем отравленную стрелу, то засунут ему эту стрелу в задницу так глубоко, что ее наконечник будет щекотать бедняге нёбо. – Бес посмотрел вправо, где скрипнула еще одна тетива. – Будешь стрелять или просто тренируешься? Руку развиваешь? И правильно, ничто так не радует в рукоблудии, как тренированная, мозолистая ладонь.

Щелк! Еще один хлопок жилы по коже – и еще одна стрела отправилась в костер.

– М-да, – сказал Бродяга. – Теперь я понял: главное при ограблении – это не умереть со скуки.

Бродяга поискал глазами какой-нибудь камешек, но рядом был только песок. Бродяга зачерпнул горсть песка и медленно, с усилием сжал кулак. Воздух над кулаком задрожал, словно от жара.

– Перестань дергать тетиву, дурила, – сказал ленивым голосом Бродяга и взмахнул рукой.

Из темноты послышался звонкий удар и достаточно громкий шлепок, словно мешок с пшеном упал на песок.

– Сказано ведь уже почти три тысячи лет назад, не бывает бесшумных засад, – назидательно произнес Бродяга. – Не бывает. И не нужно думать, что я не услышу, как ты вытаскиваешь из-за пояса стрелу.

– Слышь, мужик, – обратился Бес к остолбеневшему Младшему дракону. – Вы ж взяли с собой только два лука и по паре стрел? Так?

– Чтобы стрелы в колчанах не гремели, – механически ответил Младший дракон.

– Ну так нападать будешь, или как? – осведомился Бес.

Не исключено, что Младший дракон все-таки воздержался бы от нападения. Но это самое «или как» произвело на его разбойников такое впечатление, что, не дожидаясь команды, они бросились на оскорбителей.

– Вот те раз, – сказал Бес, уклоняясь от удара длинного, в локоть, кинжала.

– Считать будем? – спросил Бродяга, не вставая с места уложив двумя ударами двух нападавших.

– Нет, – сказал Бес, – просто я их просвещу. Бродяга зажмурился, прижимая на всякий случай к лицу плащ.

Разбойники, естественно, этого сделать не успели. Толкаясь, чтобы не мешали резать двух наглецов, они прозевали тот момент, когда Бес что-то бросил в костер.

Потом они увидели самую яркую в своей жизни вспышку, ярче даже, чем вспышка молнии на Ледяном перевале, и перестали видеть что-либо, кроме ярких разноцветных пятен. Было даже не очень больно. Просто весь мир вдруг исчез, оставив после себя только бесшумный и не жалящий огонь всех цветов и оттенков.

– Вот такие пироги, – сказал Бес, когда разбойники начали падать на песок и тщетно пытались рассмотреть хоть что-нибудь.

Один свалился прямо в костер, и Бес, выругавшись, вытащил его из огня, прихлопнув на одежде несколько языков пламени.

Двое или трое разбойников попытались на четвереньках отползти хоть куда-нибудь, но Бес страшным голосом взревел, заставив вздрогнуть даже Бродягу:

– На каждого, кто пошевелится, падет мое проклятие.

Разбойники замерли.

– Опаньки, – сказал Бес.

– Ты с проклятьем поосторожнее, – посоветовал Бродяга.

– Не учи ученого, – отмахнулся Бес.

Все произошло очень и очень быстро. Еще мгновение назад только один силуэт был виден на границе круга света, потом вдруг все освещенное пространство разом заполнилось орущими разбойниками, размахивающими всяческими острыми предметами, вспышка – и теперь ослепшие лежат неподвижно и даже на всякий случай молча.

Младший дракон, кстати, продолжал стоять, пытаясь протереть слезящиеся глаза.

– Теперь слушаем сюда, – сказал Бес. – Ослепли вы не навсегда, но время на то, чтобы вас всех перерезать, у меня есть. Еще и останется. На проклятье времени нужно и того меньше.

Бродяга поморщился. Бес, заметив это, развел руками, словно извиняясь.

– Тем более что деревня проклятых как раз опустела.

– Какая? – спросил вдруг Младший дракон.

– А их тут что – сотня?

– То-то мы не слышали собачьего бреха, – сказал Младший дракон. – И где они?

– Проклятые? В Адской щели.

– Ты хочешь сказать, что сам видел их в Адской щели? – Даже ослепший и испуганный, Младший дракон не смог справиться с чувством недоверия.

Естественно, к Адской щели вообще никто не ходит, а в компании с проклятыми – тем более.

– Видел, – спокойно сказал Бес.

– И за каким демоном тебя туда понесло?

– Нужно же было человека встретить, – ответил Бес.

Разговаривая с Младшим драконом, он быстро собрал свои вещи в сумки, а сумки погрузил на горбатых.

Бродяга стоял чуть в стороне, отстраненно наблюдая за происходящим.

– Человека встретить... Нашли место для встречи, – пробормотал Младший дракон, опускаясь наконец на песок. – Когда, говоришь, встретились?

– Прошлым вечером, – ответил Бес, присев на корточки перед Младшим драконом.

Бродяга поднял с песка секиру и аккуратно закрепил ее среди мешков на спине своего горбатого.

– Врать не нужно, – проговорил Младший дракон.

Он был настолько напуган, настолько поверил, что смерть неизбежна (и это только в лучшем случае), что вовсе перестал бояться. От Адской щели до этого места было минимум два перехода. Два, а не один, как его пытается уверить этот... Младший дракон дернул головой, сообразив, что тот, кто может проклясть, может и двигаться чуть быстрее остальных. Снова стало страшно.

– Значит, выбирай, – сказал Бес. – Либо я вас сейчас всех проклинаяю...

Лежащие на песке разбойники разом взвыли.

– Проклинаю, – повысил голос Бес, и вой стих, – или всех, одного за другим, режу и оставляю на ужин зверью.

– Лучше режь, – сказал Младший дракон.

– Это кому лучше? – переспросил Бес. Младший дракон промолчал.

– Еще я могу сейчас увести или убить всех ваших горбатых, вылить всю воду из ваших фляг и бурдюков. К утру вы обретете зрение, а к вечеру уже подсохнете, как вяленые финики.

Младший дракон согласно кивнул. Он понимал, что все это – избавление по сравнению с проклятием.

– А еще можно... – Речь Беса оборвалась после того, как его плеча коснулся рукой Бродяга.

Повинуясь жесту Бродяги, Бес отдал ему флягу с амброзией, а сам молча ушел к горбатым и повел их за собой в ночь.

– Меня зовут Бродяга, – сказал Бродяга. Младший дракон снова кивнул. Он мог сейчас только кивать, боясь неверным движением заслужить проклятие.

– Это меня встречал Бес возле Расселины. Возле Адской щели, – поправил себя Бродяга.

Костер потихоньку догорал. Освещенный круг сокращался, сжимаясь к середине, словно пытаясь задушить лежащих людей.

– Ты что-нибудь слышал о Том, Кто Должен Вернуться? – спросил Бродяга.

– Я... – Младший дракон задумался.

Естественно, он слышал о Том. Все слышали легенду о том, что должен был вернуться Тот, Кто Должен Вернуться. И даже помнил, что Тот после возвращения должен был перевернуть мир. И возможно, не один раз. Легенда была давняя, темная, не слишком понятная, но отчего-то ее передавали из поколения в поколение, а некоторые племена, это Младший дракон знал точно, ждали появления Того, Кто Должен Вернуться, чтобы начать приносить жертвы только ему.

В общем, все знали, что Тот, Кто Должен Вернуться, должен вернуться, но не знали когда и зачем.

– Я знаю легенду о Том, Кто Должен Вернуться, – сказал наконец Младший дракон.

Бродяга осторожно налил на руку амброзию из фляги и вздрогнул, почувствовав, как от руки по телу потекло странное скользкое чувство счастья.

Младший дракон повернул незрячее лицо, ноздри его затрепетали, улавливая завораживающий аромат.

– Что это? – спросил Младший дракон.

– Это твоё зрение, – сказал Бродяга, промывая глаза Младшего дракона. – И, если честно, лет пятьдесят дополнительной жизни. Надеюсь, у тебя хватит ума прервать свою жизнь до того, как она станет в тягость и тебе, и другим.

Младший дракон взглянул в лицо Бродяге и вдруг сообразил, что не усталым выглядит это лицо, а умудренным. И понял вдруг Младший дракон, что теперь суждено ему видеть не только внешнюю оболочку человека, но и его душу. И, увидев душу своего собеседника, Младший дракон закрыл глаза руками.

Бродяга ждал.

Младший дракон опустил руки на песок перед собой и снова посмотрел в лицо Бродяги.

Тот набрал в обе ладони песок. Поднял его на уровень глаз и медленно сдвигал обеими руками.

Младший дракон не отводил взгляда от его рук, не моргнул даже тогда, когда почувствовал, как жар потек от рук Бродяги. Руки разжались, и на правой ладони остался лежать небольшой, размером с орех, прозрачный шар.

Младший дракон подставил ладонь.

– Он еще очень горячий, – сказал Бродяга и положил шар на песок.

Младший дракон взял шар в руку. Сжал в кулаке. Зрачки стремительно расширились, но лицо оставалось бесстрастным.

Бродяга разжал руку разбойника и провел по ране от ожога рукой, еще влажной от амброзии.

Лицо Младшего дракона расслабилось.

– Я вернулся, – сказал Бродяга тихо, так, что его услышал только Младший дракон.

Бес, наблюдавший за всем происходящим со спины своего горбатого, увидел, как Младший дракон вскочил на ноги, отступил на шаг, а потом медленно-медленно опустился на колени. Бродяга положил руку ему на плечо, что-то, кажется, сказал.

Младший дракон протянул руку, и Бродяга пронес над ней флягу с амброзией, которую сам Бес все-таки предпочитал называть сомой.

Бродяга встал, отряхнул плащ и пошел прочь от костра, к Бесу, аккуратно перешагивая через распластанные вокруг костра тела. Молча подошел к горбатому, вскочил на него, не заставляя опускаться на колени.

Горбатый что-то неодобрительно фыркнул и медленно пошагал вперед, в сторону Вечного города. Бес оглянулся на гаснущий костер. Младший дракон двигался вокруг костра, от одного разбойника к другому, и словно благословлял, проводя рукой по лицу.

Бес отправился за Бродягой. Догнав, некоторое время ехал молча.

– Нам нужно свернуть севернее, – нарушил наконец молчание Бес. – Вот туда.

– Вечный город там. – Бродяга махнул рукой прямо.

– Вечный город там, – согласился Бес, – но нам нужно переправиться через Реку, а это можно сделать только вон там, это – в сторону Бабы.

Для надежности Бес даже указал пальцем на созвездие.

Бродяга мельком глянул на небо и сплюнул.

– Ну почему тебе не нравится небо? – спросил Бес.

– Небо мне нравится. Я очень скучаю по небу. Но это, – раскинул руки Бродяга, – это не небо. Это хреновая подделка, сделанная непонятно кем и непонятно для чего. Небо – это прозрачный воздух и пушистые, легкие облака. Это тучи, переполненные грозowymi стрелами и беременные дождем. Это Великая Бесконечность, проглядывающая сквозь него по ночам. Бесконечность, а не эти двенадцать ублюдочных кучек светящегося дерьма, плюс эта Северная какашка.

– М-да, – чуть помолчав, промолвил Бес. – Не пробовал выступать перед народными массами? Все есть: и стиль, и уверенность, и страстность, и доступный, народный язык, и совершенно дурацкая теория, в которую обязательно поверят твои поклонники. Прикинь – ты собираешь толпы народа, рассказываешь, что все они под колпаком у кого-то безумно страшного и что только ты сможешь показать им Великую Бесконечность. Всего-то и нужно, что вырезать местную аристократию, отобрать у купцов бабки, перевешать начальников городской стражи... А потом уж, выполнив все эти жизненно важные дела, можно смело отправляться прогрызать дыру в Истинном горизонте.

– А зачем для этого резать аристократию и обирать купцов? – поинтересовался Бродяга.

– А как же без этого? Зачем за тобой попрется народ? Пойми, идея быстрого обогащения – самая доступная идея. Главное, чтобы не нужно было работать. Отобрать. Это всем понятно и доступно. У них с детства все отбирали – вначале мамкину грудь, потом соску, потом игрушки, потом... Ты, кстати, что нагрузил Младшему дракону? – неожиданно сменил тему Бес.

– Я напомнил ему о легенде про Того, Кто Должен Вернуться.

– И?

– И сказал, что вернулся.

– Мама моя! – простонал Бес. – Вот это круто!

В голосе Беса сквозило истинное восхищение, подобное восхищению вора, который, с трудом вытащив из чужого дома серебряное блюдо, обнаружил, что его приятель просто вышвырнул хозяев прочь и устраивается в доме на постоянное жительство.

– Тот, Кто Должен Вернуться! – еще раз уже почти выкрикнул Бес. – И как все сходится: я ляпнул об Адской щели, потом эти наши фокусы со стрелами, потом – вспышка, а потом еще и волшебное исцеление... Ты же его исцелил.

– Да, – тихо сказал Бродяга, – я промыл ему глаза.

– Ну, я и говорю... – Бес вдруг замолчал. Помотал головой, словно приходя в себя от удара. – Подожди, ты ему сомой промыл глаза?

– Да.

– Не разведенной?

– Да.

– Он же теперь сможет распознавать правду и ложь...

– Естественно, если амброзия не изменилась за время моего отсутствия.

– Но тогда он бы не поверил тебе. Ведь он теперь сможет распознать... – Последним словом Бес словно поперхнулся. – Ты хочешь сказать, что и вправду?..

Странные вещи иногда творятся в мире. В тот самый момент, когда Бес задал свой вопрос, в нескольких десятках переходов от них, на ступенях Морского храма Семивратья, старик Зануда, ветеран многих славных битв, награжденный за героизм тремя сломанными ребрами, двумя контузиями, выбитым глазом, пятью годами каторжных работ в плену, званием почетного гражданина Семивратья и ста квадратными локтями пахотных земель, рассказывал трем пришедшим на заработки селянам свой вариант легенды о Том...

– И осточертело, значить, Тому, что остальные боги фигней занимаются и людей кидают по делу и просто так. Забил он стрелку основным богам и давай с ними тереть, чтоб по понятиям все было чики-тики. А те – ни в какую, кипешевать начали, в халупу полезли...

– Куда? – спросил селянин.

– В халупу, – повторил ветеран.

– В чью?

– В мужицкую, – повысил голос старик и показал, где именно эта самая халупа находится.

– А... – поняли селяне.

– Ну так вот, как они совсем крышей съехали, началась у них разборка. Один там перунами давай кидаться, второй за пыру схватился...

– За что?

– За нож.

– Халупу на, – взорвался ветеран. – Будешь перебивать – на хрен пошлю.

– Извини.

– Вот. Навалились всей кодлой, только Тот не лох какой-нибудь. Настучал всем, даже бабам в рыло досталось.

– Это правильно, – поддержал один из селян, ушедший в город не столько на заработки, сколько от жены и тещи.

– Раскидал их всех, а потом и говорит. Порешить вас, говорит, всех надо, да неохота мараться. Повернулся и свалил. А куда свалил, на сколько – того никто не прокоцал. Метнулись боги, да и людишки подсустились, только не нашли они хазу Того, Кто Должен Вернуться. Только малява по городам пошла, что пообещал он верному человеку, что вернется, когда немного успокоится, когда злость из него вся выйдет. Придет он, богов всех построит, мир наш долбаный несколько раз перевернет вверх ногами, чтобы всякое дерьмо с него

страхнуть, а потом наступит счастье и успехи в личной жизни. Для каждого, – особо подчеркнул старик. – И никто не уйдет обиженным.

– Брехня, – сказал селянин, немного обдумав услышанное. – Один супротив всех богов он не сдюжит. Они сейчас в какую силу вошли... Старики вон говорят, что раньше все не так было. А сейчас... Женился – жертву, родился – жертву, живот подвело – опять жертву. А то еще, не знаю как в городе, а у нас эти ав... ав...

– Аватары, – подсказал приятель.

– Во-во, авторы эти. Повಾದились по домам шнырять да по улицам. Не поверишь, один бог... Да если б кто важный, Громобой там али Скотский дядька, а то Болотный хранитель повадился на свадьбы ходить да наперед жениха в красные ворота ломиться. А возразить попробуй – проклянет ведь, сволочь кочковатая. – Парень покачал головой. Потом оживился и, вспомнив, даже заулыбался: – Наши, правда, тоже не плугом паханы. Он, прежде чем свадьбу играть, сам ворота отомкнет да кочергой каженную ночь пошурует, а когда уже девка пухнуть начинает, тут уж и свадьбу можно. А коли придет Болотный, то, сам понимаешь, на арбузе пузом не улежишь.

– При чем тут пузо? – спросил у него ветеран. – Достали, лохи от сохи. Я тебе про божью разборку толкую, а ты мне про то, как девок брюхатить. Вот Тот, Кто Должен Вернуться вернется, и Болотный твой с базара съедет.

– Откуда? – снова переспросил сельский житель.

– Ты знаешь, что у нас с такими козлами в каменоломне делали? – спросил потерявший всякое терпение дед.

– Что?

Вначале ветеран рассказал, что именно и как делали с такими козлами у них в каменоломне, потом выразил свое мнение о происхождении всех сельских, деревенских и поселковых лохов, а потом, когда потрясенные подобным красноречием собеседники потерянно замолчали, сказал назидательно:

– Никто из богов устоять против него не сможет – люди за ним пойдут. Усек? Люди. Вот погоди, пусть только объявится Тот, я за него молиться стану. Только за него и только ему. А не этому вашему Болотному.

Ветеран встал со ступенек и нетвердым шагом, что бывало с ним обычно после шестой кружки браги, отправился к себе в халупу.

– Брешет, урод старый, – сказал один селянин.

– Не, – протянул второй, – не брешет. Мне дед Таракан говаривал, когда я с ним овец пас, историю про Того, Кто Должен Вернуться. Только там было в стихах, без мата и бабам он морды не бил.

– А вот это напрасно, – подвел итог третий. – Это вот – напрасно. Спать пошли, завтра всем к горному пролому идти ни свет ни заря.

– Хорошо еще, что на Горе строить не придется, сами боги обернулись.

– Красивые храмы получились. Что значит – чудо!

– Вот вернется Тот, будут у них чудеса, – сказал особо досаждавший ветерану парень.

– Ты чего, тоже Тому жертвовать собрался? – спросил женатый.

– А что? – набычился молодой. – Я с ним на Острова доберусь, Девку Голосистую за ее голые сиськи-то поймаю. А то им можно, а нам нельзя?

– Ты рот закрой, – сказал женатый. – Услышит кто из богов – быть беде.

– Это точно, – подтвердил голос из глубины храма. – Тут у нас замечательная акустика.

– Это кто? – испуганно спросил холостой.

– Никто, – замогильным голосом ответил храм, и из-за колонн появилась фигура.

Ипостась Морского бога по ночам обычно любил спать, но после позавчерашнего происшествия и после напряженной беседы с боссом решил проявить немного бдительности и рвения в службе.

Вначале, увидев его, селяне особо не испугались, решив, что это какой-то местный шутник. Потом все-таки испугались и попытались бежать. Но было уже поздно.

Глава 3

В Семивратье ночью было неспокойно. Два чуда подряд могли кого угодно вывести из равновесия. Два чуда – если не обращать внимания на разные мелочи. Два чуда – это если говорить о делах действительно непонятных и оттого пугающих. Во-первых, солнце не каждый день срезает верхушку Горы и убивает сотню наиболее влиятельных и уважаемых людей города. Десяток-другой рабов и вольноотпущенников, погибших там же, не мешал разговорам о том, что так, мол, и надо зажавшимся сволочам.

Когда солнце наворотило дел в городе, а потом еще и проломило горную гряду, открыв широкий и удобный проход из степей к самому сердцу Семивратья, некоторые решили, что пришел-таки полный конец всему сущему и на завтра солнце... А оно на завтра взошло как ни в чем не бывало.

Поглядев с некоторой опаской на взбалмошное светило, люди принялись разгребать руины и занимались этим целый день и целую ночь. Следующим утром наступило «вторых»: все испытали изрядное потрясение, обнаружив, что на срезанной верхушке Горы словно из воздуха появились новый Храм Громовержца, Столп и Роща.

Жители Семивратья уже почти решили подождать на всякий случай, может, и остальные сооружения сами собой восстановятся, но царица, супруга уже который год воюющего под стенами Проклятого города царя, быстро сообразила, что подобные ожидания ничем хорошим не закончатся, предупредила о возможном штрафе с нерадивых и объявила мобилизацию рабочих. Работы было много. Оплата была предложена не так чтобы слишком высокая, но на безрыбье... а тем более на неурожае любой медяшке будешь рад. Рассудив так, жители близлежащих сел потянулись в Семивратье.

К наступлению второй ночи после солнечного безумия в городе был наведен маломальский порядок, по улицам двигались патрули, внимательно наблюдавшие за тем, чтобы городская жизнь не слишком быстро развращала прибывших на заработки селян. Те, правда, не слишком и стремились бродить по опасным улицам малопонятного города, а все больше жались к кострам и к местным жителям, внимательно слушая рассказы и легенды о правилах жизни в большом и цивилизованном, хоть и немного поврежденном Семивратье.

Новости, которые казались горожанам архиважными, селян не интересовали. Ну кого из вчерашних козопасов могло волновать, что волной на берег, прямо к самому носу начальника городской стражи, выбросило изломанную галеру какого-то Одноглазого вместе со всем экипажем и капитаном? Тем более новость эта была не слишком свежей, потому что утром следующего дня Одноглазый непонятным образом из городской тюрьмы исчез.

Козопасов больше интересовали легенды о Том, Кто Должен Вернуться и свежеиспеченный рассказ, как сын бога Солнца не справился с управлением огненным диском... Как... В общем, горожанам было что повесить на уши неискушенным слушателям.

Ночью горожане либо спали, либо общались с пришлыми, либо... ну, в общем, занимались своими городскими делами. Во дворце же, примостившемся сразу за городским арсеналом над военной гаванью, имела место некоторая суеда. Царица, уставшая за два дня, решительно выгнала из спальни любовника по прозвищу Жеребец, надавала пощечин нерасторопной служанке и принялась писать письмо супругу за море. Самой царице казалось, что с ситуацией она справляется неплохо, но лучше было запросить инструкций у благоверного. Характер у того был нелегкий.

Царица тяжело вздыхала, выводя буквы на глиняной табличке. И то ли от этих вздохов, то ли от обилия чудес, но жители города чувствовали себя неуютно, и даже сны у них были какие-то странные и малоприятные. Щукиной жене, например, привиделось, что солнце вообще развалилось на куски и куски эти почему-то превратились в ос. А осы непонятно

отчего бросились на нее, норовя ужалить в места интимные. Жена Щуки даже проснулась испуганно, хотела храпящего мужа растолкать и пожаловаться, но потом вдруг подумала, что сон этот на самом деле обещает ей отсутствие мужа и много разных душевных приключений.

Самому Щуке приснилось, что лезет он по высоченной каменной стене, долез почти до самого неба и повис на кончиках пальцев. А в носу зачесалось немилосердно. И нет никакой возможности почесать. Чихнул Щука и сорвался. А вместе с ним со стены полетели и другие, среди которых успел Щука распознать Горластого и многих знакомых рыбаков. Рыбаки летели молча и даже как-то сосредоточенно, упруго ударялись о землю, отскакивали от нее и разлетались в разные стороны.

Но сны – это сны. А вот разговор, происходивший в храме Морского бога Семивратья, был совершенно реальный и очень неприятный.

Морского бога били.

То есть тузили не самого Морского бога, а его аватару. А лупцевал его именно бог, с позволения которого аватара именовал себя Морским богом Семивратья.

Ситуация усугублялась тем, что тот, кого били, не знал ни имени, ни внешности того, кто бил, но полностью признавал за ним право на экзекуцию. Рядовые же жители Семивратья, как, впрочем, и большинство местных философов, вряд ли разобрались бы в сложных взаимоотношениях участников разговора.

Бог – это знали все – должен быть бессмертным, вечно молодым и наделенным Силой. Гораздо меньше людей знали, что бог должен быть не просто наделен Силой, а еще и уметь эту Силу извлекать и накапливать – самостоятельно.

Морской бог Семивратья богом действительно считаться не мог. Он имел вечную молодость, но лишь до тех пор, пока вкушал амброзию. Он имел Силу, но до тех пор, пока эту Силу передавал ему хозяин. Хозяин его был богом по всем параметрам, так, во всяком случае, думал Морской бог.

И этот настоящий, полноценный бог мог тузить Морского бога, как портовый авторитет провинившуюся «шестерку».

И правом своим хозяин пользовался от всей души. Амброзия, которую Морской принимал регулярно, раны заживала быстро и надежно, но как было больно!

– Ну что, Сопля? – Хозяин чуть повел бровью, и несчастного Морского бога снова ударило о стену. – Совсем ты тут нюх потерял? Девки да выпивка в голове?

Сопля попытался встать, но хозяин, щелкнув пальцами, отправил его в противоположный угол комнаты.

– Ты не вставай, не нужно этого официоза, – ласково сказал хозяин. – Прямо оттуда и отвечай.

– Да что отве...

«...чать» вылетело из груди Сопли вместе с остатками воздуха – его снова ударило, на этот раз об потолок.

– Отвечай мне, милый, – хозяин улыбнулся, – как это ты проглядел в Семивратье святилище Разрушителя?

Сила, прижимающая Соплю к потолку, вдруг исчезла, и он плюхнулся на пол.

– Разрушителя? – срывающимся шепотом переспросил Сопля.

– Разрушителя, – почти спокойным тоном подтвердил хозяин.

Соплю передернуло, словно от холода.

– Не было здесь Разрушителя... – пробормотал он.

Кувшин с вином, стоявший на столе, медленно поднялся, подлетел к Морскому богу Семивратья и опрокинулся у него над головой. Вино тягучей струей потянулось к макушке

несчастливого, остановилось в воздухе, превратившись в большой лиловый шар, а потом все так же медленно стало обволакивать лицо Сопля.

– Был, – тихо сказал хозяин. – Был, это точно. Ты полагаешь, что Я могу ошибиться?

– Нет, – зачастил Сопля, – не мог. В смысле, не мог вы ошибиться. Вы – и ошибиться...

Но и Разрушителя не было, я бы...

Вино обволокло голову Морского бога, он невнятно хлюпнул и замолчал.

– У тебя есть два выхода – либо выпить все это вино, либо захлебнуться, – сказал хозяин. – Или ты забыл, что не совсем у нас бессмертный? Жить можешь долго, а убить тебя...

Сопля сглотнул раз, потом еще. Кадык дергался судорожно и быстро. Вино постепенно истончалось в пленку, затягивающую лицо. Исчезло полностью.

– На здоровье, – сказал хозяин и ухмыльнулся. Сопля кивнул. Молча.

– Итак, мы принимаем за истину то, что в городе не просто поклонялись Разрушителю. Ему здесь даже создали некое подобие храма. В пещере.

Хозяин задумчиво обвел взглядом помещение. Здоровенный кувшин с маслом, стоявший в углу, дернулся и медленно поднялся в воздух.

– Не надо, – попросил Морской бог.

– Не любишь маслице? – усмехнулся хозяин. Кувшин резко дернулся вниз и ударился об пол, мелкие трещины пробежали по его керамическим стенкам, паутинкой покрывая всю поверхность. Потом стенки кувшина осыпались пылью, открывая поблескивающее в свете факелов масло. Оно стояло, сохраняя форму исчезнувшего кувшина.

Сопля мельком глянул в ту сторону и быстро отвел взгляд.

– Итак, было святилище, – сказал хозяин, – и алтарь тоже был.

Сопля кивнул.

– И кто, по-твоему, стоит за всем этим? – осведомился хозяин.

– Не знаю... Честное слово, не знаю. – Заметив, что хозяин недовольно откинулся в кресле, Сопля зачастил: – Да что я – не понимаю? Что я – идиот, чтобы Разрушителю попустительствовать? Я ж сам здесь живу, отсюда питаюсь...

– Правильно рассуждаешь, – кивнул хозяин. – Только вот не говоришь...

– Да нету среди младших богов таких... – выкрикнул Сопля и замолчал, сообразив, что ляпнул лишнее.

– Среди кого? – спросил хозяин.

– Среди ипостасей... – выдавил охрипший разом Сопля.

– Ты что-то другое сказал...

Голос хозяина был настолько ледяным, что даже языки факелов перестали трепетать на сквозняке и замерли, словно светящиеся ледышки.

– И-извините... – простонал Сопля. – Простите.

– Нет, это даже интересно! – Хозяин всплеснул руками, факелы засветились ярче, а масло наконец плеснуло на мраморный пол. – Младшие боги. Это вы – младшие боги? Это ты младший бог? Сопля – младший бог?

Хозяин захохотал. Сопля вжал голову в плечи.

– И вы собираетесь своей теплой компанией... Вы где собираетесь? – спросил хозяин.

– Тут неподалеку, на Горе, – прошептал Сопля.

– Амброзию жрете, девок портите? И кто у вас Верховный?

– Громовержец.

– Ну, естественно, – снова засмеялся хозяин, но уже чуть по-другому. – А ты...

– Я второй за ним.

– И вся эта компания... – Хозяин развел руками и с нажимом продолжил: – Вся эта компания младших богов не смогла заметить Разрушителя?

Сопля покачал головой.

– А может, кто-то из вас стал Разрушителем? – спросил хозяин.

– Да нет, что вы, конечно нет. Никогда... Никто из нас...

– Что ты так расписываешься за своих приятелей? Ты еще с себя не снял подозрения...

Сопля тоскливо обвел взглядом зал. Сколько всего замечательного происходило здесь, сколько невероятно приятного выпало на его долю в этом храме. Он даже стал забывать то время, когда только молил у алтаря богов, чтобы заметили, чтобы выделили, чтобы возвысили... И вымолил ведь, сам не понял, как получилось, не помнит даже, после чего именно вдруг явился ему много лет назад хозяин и подверг мучительному, но такому сладостному обряду посвящения в аватары. Как наградил потом вечной молодостью, как... Ведь привык Сопля уже быть богом. Пусть младшим, пусть даже не богом, а всего лишь ипостасью, но стоять над толпой человечков, диктовать им волю, пусть не совсем свою, но тем не менее – волю. И карать провинившихся, вот как тех троих, этой ночью...

Сопля вздрогнул. Да, это похоже на спасение. Это может отвлечь гнев хозяина, направить его в другую сторону, заодно продемонстрировав сообразительность и инициативность Морского бога.

– Я...

– Голос прорезался?

– А если это не Разрушитель? – быстро выдохнул Сопля и заговорил еще быстрее, заметив, как напрягается хозяин. – Этой ночью я услышал разговор возле храма: местный старик рассказывал пришлым о Том, Кто Должен Вернуться.

– О ком? – Голос хозяина прозвучал на этот раз мертво, словно камень по камню скрипнул.

– О Том, Кто Должен Вернуться. И эти говорили, что когда Тот вернется, то они не только станут ему поклоняться, но даже во главе с ним придут к богам и... – Сопля благо-разумно замолчал.

– Богов свергнут, а богинь поимеют, – сказал глухо хозяин.

– Я это как услышал, сразу же всех троих уродов повязал и отправил в Зверинец, пока вам не доложу. Я ведь сразу сообразил, что здесь пахнет дерьмом. – Сопля заискивающе улыбнулся и даже поклонился, не вставая с пола.

– А в Зверинец зачем? – спросил хозяин, хотя по голосу было ясно, что мысли его где-то далеко.

– А припугнуть их, подержать перед Многоголовыми или Сторуками, дать почувствовать дыхание Змея, а потом – отпустить. Чтобы они порассказали, как хреново даже думать такое о богах. А перед тем как отпустить, дать Дикому с ними поиграть. Шрамы и увечья – они кого угодно убедят, особенно слушателей.

– Я их заберу, – сказал хозяин и встал с кресла.

– К-к-конечно... – Сопля опустил на колени, молитвенно сложив руки.

Пронесло – вот все, что он сейчас чувствовал. Пронесло.

Силуэт хозяина задрожал, словно марево, начал таять, но потом вдруг опять стал четким и угрожающим. Совсем уж было успокоившийся Сопля снова припал к полу грудью.

– Ладно, – сказал хозяин. – Я не стану тебя наказывать – ни за то, что ты прозевал Разрушителя, ни за младших богов.

– Спасибо.

– Не стану наказывать тяжело, – поправился хозяин. – Ты сколько получал Силы?

– Десятую часть, – тихо, почти бесшумно, шевельнулись губы Морского бога. – Десятую часть от пожертвованной Морскому богу Силы.

– Теперь будешь получать одиннадцатую часть, – сказал хозяин. – Сейчас всем тяжело. Меньше будешь резвиться. А кроме того, придумай, как увеличить количество молящихся и жертвующих. Поднапряжешься и вернешь свое. Возражений нет?

– Нет, – заверил Сопля.

– Вот и ладно. А на сборищах ваших внимательно послушай и посмотри. Вы ж, лакейские души, небось на своих хозяев жалуетесь друг другу... Жалуетесь?

Сопля кивнул.

– Вот ты мне и скажешь, кто именно и на кого жалуется. И что бы он хотел получить, чтобы перейти на работу к другому БОГУ.

Последнее слово хозяин произнес kloкочущим голосом, заставившим вздрогнуть стены.

– И если к тебе кто-нибудь обратится с подобным предложением...

– Я понимаю, понимаю. Я сразу же к вам и все расскажу. Все. Все в подробностях. Вы будете довольны. А если я еще раз вас подведу, пусть покарает меня суровая рука... – выкрикнул Сопля уже в пустом зале.

Хозяин исчез.

– «...презрением наказать», – закончила в это же мгновение свое письмо царица.

От тяжелого эпистолярного труда болели спина и рука. И откуда-то снизу, от колен поплыло по телу томление, вначале легкое и неопределенное, а потом, когда уже было поздно себя одергивать, томление это приобрело совершенно определенное направление и полностью заняло воображение царицы.

Царю легко. Он сидит уже который год под стенами Проклятого города, время от времени устраивает битвы, после которых неделями не просыхает, регулярно выписывает себе из Семивратья вино, подкрепление и девок-рабынь для хозяйственных работ. Скотина гулящая.

Царица села на край ложа, застланного полосатой шкурой дикой кошки – подарком царя. У него там, на войне, есть время еще и на зверей охотиться. Шкура была отличная, мягкая, ласкающая тело, но царица никак не могла отделаться от мысли, что на этой шкуре, прежде чем отправить ее супруге, царь повеселился не с одной девкой.

И шкура стала аренной мести. А царица была женщиной мстительной. Если честно, то она уже даже и не помнила, сколько мужиков побывало на этой шкуре. Вот и сейчас... Напрасно она прогнала Жеребца.

Царица легла.

Хоть бы скорее закончилась эта осада, и муж... И что она с ним будет делать? Ругая и понося мужа в мыслях за отсутствие, она глубоко в душе надеялась, что война эта дурацкая будет продолжаться бесконечно.

Проклятый город... Раньше он именовался иначе, но теперь то, старое название запрещено даже вспоминать. После того как там стали поклоняться Разрушителю. И даже не потому, что стали поклоняться, а потому, что приносили ему человеческие жертвы. И началась война.

Ибо сказали все оракулы и жрецы всех богов, что нет страшнее деяния, чем человеческие жертвоприношения. И караются они только смертью. И потому отправились цари двух десятков городов, чтобы уничтожить Проклятый город, сравнять его с землей. И не брать в плен никого – ни мужчин, ни женщин, ни детей.

Цари воюют, а два десятка цариц усиленно наставляют им рога. В этом царица Семивратья была совершенно убеждена. Ей писали подруги.

Людей в жертву приносить нельзя. Ну да. А убивать – можно.

Странная эта мысль пришла царице в голову впервые. Вот что может натворить ночь в одиночестве. Все было ясно и понятно – и вдруг эта мысль. Действительно, за человеческие жертвы будет одно наказание – смерть. Неужели это лучше? Неужели лучше уничтожить целый город, положив при этом сотни своих воинов, чем разрешить людям приносить такие жертвы, какие им заблагорассудится, и тому, кому они захотят. Даже Разрушителю, не к ночи будет помянут.

Царица тяжело вздохнула.

Не ее это дело – волю богов обсуждать, и все же могли боги сами решить. Не нравятся человеческие жертвы – отказаться. Не нравится Разрушитель – уничтожить его или заключить в Ад, в крайнем случае. Ведь справились же с Безумным богом. Во всех преданиях и легендах говорится, что справились. И нечего им на людей свои проблемы перекладывать. Им это игры, а людям...

В дверь спальни кто-то поскребся.

– Кто? – спросила царица.

Это был изгнанный любовник, который все-таки сообразил вернуться к одинокой царице. «Какой он все-таки умница, мой Жеребец, – подумала царица. – Благоверный в жизни бы не догадался. Пусть только вернется. Пусть... Пусть... Пусть...»

И последней мыслью этой ночью, связанной с мужем, была оборванная долгим поцелуем незаконченная фраза: «Я его...»

– Она меня убьет, – сказал в это самое мгновение царь.

Он бы никому в жизни не признался в этом, но жена в нем вызывала ужас, самый искренний и неподдельный. Нет, он, конечно, делал что хотел, мог и в ухо съездить супружнице, если под настроение, но в глубине души его сидели страх и неуверенность молодого пастуха, которому чудом удалось одновременно понравиться и царской дочке, и ее папаше.

Тесть был человеком суровым и держал зятя в черном теле, не стеснясь обласкать при случае царским жезлом. Дочка до самой папиной смерти пользовалась этим очень широко, жалуясь по поводу и без повода на своего мужа. Потом, когда папаша помер и царская власть перешла в руки зятя...

Но даже сейчас, защищенный от жены морем и царским титулом, царь в особо тяжкие минуты с ужасом представлял себе, как его женаотреагирует на очередную глупость мужа.

А то, что он совершил глупость, даже у него самого сомнения не вызывало. И оттого, что вместе с ним эту глупость совершили еще почти два десятка его союзников, легче не становилось.

А как замечательно все выглядело позавчера! Фокусы заходящего солнца! Как только оно зашло на севере, стало понятно, что это – знак богов. Символ их благорасположения к войскам осаждающих. Ведь закатилось солнце не за Проклятым городом, как обычно, а в стороне.

Цари переговаривали между собой. Один из них, правитель Заскочья, предложил было обратиться к оракулу. Но это предложение никто не поддержал, потому что все в Заскочье, естественно, с заскоками, а до ближайшего оракула три дня пути. Ни жрецов, ни пророков в объединенном войске не было по причине странной воли богов – священная война с Проклятым городом должна вестись без их участия.

Вот этого нюанса никто из совещающихся не учел. Сегодня, после всего происшедшего, каждому понятно, что и знаков боги посылать не могли в таком случае, но тогда все выглядело почти как в древних легендах. Красиво все выглядело – боги предсказывают победу, нужно просто вывести на завтра свои отряды к стенам и вступить в битву. И – победа...

Как потом оказалось, осажденные подумали точно так же. Только закат солнца ими был воспринят не как знак богов, а как начало долгожданного процесса всеобщего разрушения. И выступить на поле брани осажденные решили не дожидаясь утра, которое, по их мнению, могло и не наступить.

Правда, собирая войска, вдохновляя их и принося новые Кровавые жертвы, осажденные здорово замешкались и выступили в долину перед городом как раз в предрассветных сумерках. Солнце сыграло с осаждающими злую шутку, а промедление осажденных эту шутку усугубило и чуть не превратило в катастрофу.

Если бы жители Проклятого города выступили ночью, то им пришлось бы идти к лагерям союзных войск сквозь темноту, неизбежно громяхая оружием и доспехами, да и кони в колесницах вряд ли молчали бы. Часовые в лагерях от этого гама проснулись бы, и ночная вылазка обернулась бы, как водится, просто суетливой стычкой в темноте. К утру все стало бы понятно, и союзные войска использовали бы свое численное преимущество.

Но защитники города припозднились, а осаждающие поспешили. И в результате сражение, которое должно было принести окончательную победу осаждающим, протекало для них совсем плохо.

Отряды союзников разрозненно двигались к долине, чтобы там соединиться. Но вместо спящего города союзники обнаружили бодрствующих защитников, да еще построенных в боевые порядки.

Тяжелее всех пришлось именно царю Семивратья. Его отряд двигался первым, первым же и получил. И первым побежал, потеряв почти четверть своих воинов. Остальные отряды союзников вступали в битву по очереди, по очереди подвергались атаке и так же по очереди бежали к своим лагерям. Только царь Заскочь сумел вовремя сообразить что к чему и не полез вперед, а поставил свой отряд в ущелье, перекрывая дорогу наступающим и одновременно прикрывая бегущих.

Катастрофы удалось избежать, а вот «численное преимущество осаждающих» было значительно сокращено. Но даже не в этом была основная трагедия. Трагедия заключалась в том, что, пока отряд Заскочья двигался к ущелью, через это ущелье успели проскочить сотни полторы лучников противника, которые прорвались к кораблям Семивратья, вытасненным на берег, и зажигательными стрелами превратили пятнадцать кораблей из двадцати в костры.

А это значило, что придется не просто просить подмоги, не раскрывая реальных потерь, но и извлекать из арсенала новые корабли, что неизбежно потребует объяснений с жителями Семивратья. И с царицей.

– Она меня убьет, – снова повторил царь, откидываясь на ложе.

Со стороны Проклятого города донесся протяжный вой – это приносили в жертву еще кого-то из плененных в битве. И скорее всего, этот кто-то был из Семивратья. При этом нельзя было даже попытаться обменяться пленными. Не потому, что боги запретили вступать в переговоры с осажденными. Просто согласно все той же воле все тех же богов предлагать на обмен было некого. Пленных горожан нужно было убивать прямо на поле битвы. То есть вообще пленных не брать.

Все законы войны пошли на фиг. Пока не вмешались боги, все войны шли по заведенному порядку – сходились в поле, герои выезжали на колесницах из-за толп пехотинцев, обменивались ударами копий, потом пехотинцы бросались в атаку, одна из сторон не выдерживала и отступала в свой лагерь. Потом начиналась осада, время от времени перемежавшаяся перемириями и обменами пленными. Дальше кто-то не выдерживал и предлагал мир. Его, мир, заключали – и расходились до новой заварушки.

Проклятый город! Проклятая война, тянущаяся уже который год. Ну не может же он голыми руками разобрать каменные стены! Он может тупо пытаться таранить ворота, проклиная и Разрушителя, и, чего греха таить, всех остальных богов.

Царь потянулся к медному гонгу в изголовье. Без бабы этой ночью он может сойти с ума. А ум ему еще понадобится. Нужно будет писать супруге, просить кораблей и войск, не распространяясь о причинах поражения. Эти боги, будь они прокляты! Похоже, они просто боятся Разрушителя. Боятся сойтись с ним в открытой схватке и прячутся за спины смертных.

Может, Разрушитель действительно сильнее? Тогда какого хрена он, царь, продолжает выполнять волю этих слабаков?

Стражник возле шатра отдернул полог, и в шалаш скользнула наложница. «Вовремя», – подумал царь, – иначе мысли о Разрушителе могли завести его слишком далеко. Прямо в Ад.

– ...и это еще не самое страшное, – сказал Бес. – Ад – это просто дыра в земле, откуда еще никто не возвращался. – Бес покосился на спутника, кашлянул и поправился: – До последнего времени никто не возвращался. А вот проклятье – вещь конкретная и понятная. Если кто-то не верит жутким рассказам, то может просто съездить в деревню проклятых и убедиться. Или сходить в обителище проклятого. Только следует помнить, что у тех характер испорчен и гостей они не любят. Да и убить их непросто, если что.

– Ты так это рассказываешь, будто проклятых вокруг – куча, – помолчав, сказал Бродяга, – будто богам просто нечего делать, как расходовать Силу на подобную ерунду. Ты, наверное, даже представить себе не можешь, сколько Силы уходит на то, чтобы постоянно удерживать проклятых в таком состоянии, следить за ними и все такое прочее...

– Я могу себе это представить. Могу. Это ты не можешь себе представить, как боги научились ловко решать эту проблему, не расходуя при этом ни капли Силы.

– Это что-то новенькое.

– Этому новенькому уже почти тысяча лет.

– Я же и говорю – новенькое, – хмыкнул Бродяга.

Бес зачем-то поправил сумки на своем горбатом. Оглянулся, словно пытаясь что-то рассмотреть в ночной пустыне. Темнота. Песок, светлый под ногами и превращающийся в черные волны на фоне неба. Неправильного неба, если верить Бродяге. Верить Бродяге? Бес снова посмотрел на попутчика. Очень спокойный и уверенный в себе... человек?

– Так ты действительно пробыл в Аду две тысячи лет?

– Я действительно пробыл в Бездне две тысячи лет, – ответил ровным голосом Бродяга, – если ты ничего не напутал с датами и событиями.

– Все точно, пустыня здесь именно две тысячи, лет, – сказал Бес. – Две тысячи лет.

Бесу стало зябко от одной только мысли о такой глыбе времени. И не просто времени, а немыслима жутких лет Ада.

– Как тебе удалось выйти? – спросил Бес.

– Вышел, убил несколько Псов Бездны, думал, что остальные в очередной раз раздерут меня, – голос Бродяги звучал бесстрастно, теряясь в сухом шуршании песка, – а оказалось, что проклятые убили их. Там я встретил тебя.

– Как просто, – качнул головой Бес.

– Как просто, – эхом отозвался Бродяга.

До странности просто. Просто очередная его попытка вдруг удалась. Просто так совпало, что очередной его безумный бросок совпал с безумным поступком проклятых. И просто Бес отчего-то оказался там, у Порога.

– Кто ты? – спросил вдруг Бес.

– Бродяга.

– Это просто прозвище, а кто ты на самом деле – бог?

– А ты как думаешь? – спросил в свою очередь Бродяга.

– Ты... Не знаю. Если судить по поведению – похоже на бога. Только Силы пока в тебе не чувствуется. – Бес замолчал, словно прислушиваясь к своим ощущениям. – Нету Силы. Но, с другой стороны, что-то такое вокруг тебя гудит, словно пчелиный рой. И я не знаю, как смог бы человек выйти из Ада.

– А бог?

– И бог.

– А может, я ни то и ни другое? – спросил Бродяга.

– Так не бывает. Не бывает. Ты либо зверь, либо человек, либо бог.

– Либо чудовище, либо демон, либо герой... Герои у вас еще водятся? – спросил Бродяга.

– Чего-чего, а этого добра, пока боги продолжают посещать смертных женщин, будет сколько угодно. И ты, кстати, забыл еще упомянуть аватар, жрецов, прорицателей, оракулов...

– Вот-вот...

– Только ты все равно ни на кого из них не похож. Чувствуется порода, – Бес развел руками, – ничего не могу тут поделать. Одно могу тебе сказать точно – из тебя получился бы классный Ловец.

– Кто?

– Ловец, – повторил Бес. – Может быть, даже такой, как я.

– Ты будешь смеяться, но я не знаю, кто такие Ловцы.

– А чего тут смеяться? Ловцы появились не так давно – лет так с тысячу...

– И ты, – подхватил Бродяга, – стал Ловцом уже...

Бес обернулся к Бродяге.

– Сколько? – спросил тот.

– А какая разница? – вопросом ответил Бес.

– В общем, никакой, – сказал Бродяга. – Ты начал рассказывать о Ловцах.

– Это длинная история, – предупредил Бес.

– Так и скорого привала у нас не ожидается, – ответил Бродяга. – Я так понимаю, что до самого моста мы не остановимся.

– Правильно понимаешь.

– Ну так кто такие Ловцы?

Бес потер ладони, потом провел ими по лицу, словно стирая с него сомнения. Он и сам не мог понять – хочется ему рассказывать Бродяге о себе или нет. Он не имел привычки откровенничать с незнакомцами, но его отношение к Бродяге обретало какую-то опасно-доверительную окраску. Задумавшись на миг и взвешивая, не послать ли любопытного на фиг, Бес вдруг понял, что Бродяга уже завоевал каким-то непостижимым образом часть его души. Бес вдруг понял, что давно, многие столетия мечтал иметь такого... Попутчика? Собеседника? Бес суеверно отогнал от себя опасное слово «друга».

– Хорошо, – сказал Бес. – Только если что, не обижайся.

– А почему я должен обижаться? – удивился Бродяга.

– А это если ты действительно бог.

– И?

– А практически все боги – зажавшиеся, неумные и ленивые твари, – сказал нарочито небрежно Бес. – Не обиделся?

– Валяй, – махнул рукой Бродяга.

– Зажавшиеся и ленивые, – повторил Бес. – Они живут и получают Силу до тех пор, пока им поклоняются и приносят жертвы. Люди. А люди...

– Что люди?

– А люди, по большому счету, понятия не имеют, кто такие боги. Люди готовы молиться и жертвовать любому, кто реально может им чем-то помочь. Или есть шанс, что помощь все-таки будет оказана. То есть бог, для того чтобы получать Силу, должен что-то людям давать. Правильно?

– Звучит логично.

– А ты только себе представь, что для этого богу, любому из бессмертных, нужно будет прислушиваться к чаяниям народа, каждого из людишек, а иначе тот пойдет и отнесет свою жертву, а значит и Силу, в другой храм, на другой алтарь. Хреново? Хреново. С другой стороны, конкурент также не горит желанием тратить свою вечную жизнь на общение со смертными. То есть может случиться так, что человеку вообще некуда будет податься со своими пожертвованиями. Значит...

– Нужны Ловцы? – наивным тоном спросил Бродяга.

– Еще нет, – сказал Бес, – тут нужны аватары. Они же – воплощения, они же ипостаси. Идея очень простая. Бог берет человечка, наделяет его чем-нибудь смешным и назначает собой в отдельно взятом городе. Или стране. Или деревне, или племени, или... Где угодно. Этот самый аватара внимательно следит за вверенным ему объектом, решает, что именно сейчас настал момент для чуда, и это чудо организует. Во всяком случае – должен организовать.

– И боги позволяют ему использовать и накапливать Силу? – чуть удивился Бродяга.

– Ни хрена. Использовать – да. Использовать – можно, а вот накапливать – извини-подвинься. Система такая: люди под воздействием деятельности ипостасей и жрецов, которых ипостаси привлекают к этому, молятся и жертвуют конкретным богам. Сила, соответственно, идет к этим конкретным богам. А вот те уже часть ее... В ваше время уже знали проценты? – внезапно спросил Бес.

– Да.

– Так вот, десять процентов передается аватару. На жизнь и на деятельность.

– А жрецам?

– А им остается материальная часть пожертвований. И возможность покомандовать от имени аватар.

– Ну?

– Что ну?

– И при чем здесь Ловцы?

– Ловцы здесь пока ни при чем. Тут имеется другая проблема. Она заключается в пустяке – за тысячи лет уже все вакантные должности богов заняты. И придумать новые источники поступления Силы невозможно.

– Так и хватит.

– Может быть. Только дело в том, что тот из богов круче, у кого больше Силы.

– Это понятно.

– Понятно. Но если все места заняты, то получается, что нынешняя расстановка сил на Островах...

– Прости, где? – насторожился Бродяга.

– На Островах, там, где живут боги, – несколько удивленно пояснил Бес. – А что?

– Отстал я от жизни, – вздохнул Бродяга. – Раньше говорили о Горе.

– На Горе сейчас собираются аватары. Именуют себя младшими богами и пытаются быть похожими на богов.

– На тупых, зажавшихся... – засмеялся Бродяга.

– Совершенно верно. Именно на зажавшихся и настолько тупых, что боги, насколько я знаю, до сих пор не знают об этих сборищах.

– А сами боги теперь на Островах?

– Да. И боги эти всячески стараются обойти других по могуществу. Говорят, что раньше было проще. Был Морской бог, который оставался таковым везде. И был, скажем, бог Повышенного урожая злаковых. И он тоже был таковым повсеместно. Теперь прикинь, каково было быть Морским богом в оазисах Великой восточной пустыни, а богом Урожая злаковых – у охотников на морских чудовищ.

– Ужас, – сказал Бродяга.

– И боги стали искать новые участки. Так Морской бог стал еще и богом Овцеводства у горцев. А потом еще богиней...

– Богиней?

– А какая, на фиг, разница? Просто его аватарой там становится женщина. И начались гонки. Боги придумывали новые личины, привлекали аватар, назначали жрецов. При этом, правда, стали происходить странные вещи...

– Странные?

– А иначе и не назовешь. Боги стали действовать анонимно. Так, что даже аватары не знают, на кого работают. У меня такое чувство, что и сами боги не знают, кто из них кто. Очень часто аватары, ходящие под одним и тем же богом, устраивают между собой грызню за поклонников. А бог не вмешивается, чтобы не выдать своего истинного лица.

– И зачем им это все?

– А это – к богам, – протянул Бес. – К ним, бессмертным.

Бродяга оглянулся через плечо. Небо на востоке начинало светлеть. Бродяга тоже оглянулся.

– Надо полагать, нынешние восходы тебе тоже не нравятся? – спросил Бес.

– Это не восходы, – спокойно сказал Бродяга.

– А, ну да. А это не горбатые, это не песок...

– Ты там что-то рассказывал о бессмертных.

– Да. – Бес поудобнее устроился в седле. – Бессмертные. Эти самые бессмертные быстренько расхватили, кто до чего додумался и дотянулся. Не знаю точно, но, кажется, теперь у каждого из них есть сотне по две-три аватар. У меня такое чувство, что амброзии теперь расходуется просто немереное количество

– Да, – кивнул Бродяга, – даже горбатых ей поят.

Бес похлопал своего горбатого по шее:

– Вроде этого. А кроме всего, наступил кризис. Боги снова уперлись в стенку. Снова расхватили все должности и территории. Воевать – нельзя. Может плохо кончиться. Можно переманивать клиентов, но это долго и дорого. Тут нужно либо самому заниматься этим, либо передавать аватару больше Силы. А этого не хочет никто из богов.

– Логично.

– Совершенно. Пока ты станешь расходовать Силу, скажем, на Алмаз, тебя потеснят в Семивратье. И так далее.

– Наверное, поэтому они и скрывают свои настоящие имена, – предположил Бродяга, но высказал это свое предположение без особого интереса в голосе.

– Надоело слушать? – спросил Бес.

– Я хочу услышать наконец о Ловцах.

– И вот тут появляются Ловцы. Они внимательно присматриваются ко всему происходящему и выискивают на уже отработанных территориях место для новых богов. Или для новых аватар, если хочешь.

– Не донял, – признался Бродяга.

– Объясняю. Например, какой-нибудь из богов взял и решил осчастливить город в пустыне рекой. Можно было бы, конечно, обойтись и десятком колодцев, но сколько ты там

заработаешь на колодцах? А вот богом реки устроиться – это куда вкуснее. Тут и вода, и транспорт, и рыбная ловля с периодическими наводнениями. Сила так и льется!

– И теперь все пустынные города имеют реки?

– Нет. Вовремя спохватились, что ничем хорошим для пустынных кочевников этот поворот речек не заканчивается. А кроме того, не так много было подходящих рек. А постоянно качать туда воду – никакой Силы не хватит. Не окупится затея. Так вот, после того как уляжется сыр-бор по поводу нового божества, а зависть остальных богов станет осознанной болью, появляется Ловец. Что обычно забывают боги, принесшие реку в сухое до этого место?

– А что забывают боги?

– Они обычно забывают все. Но в конкретных случаях они забывают, что возле рек имеются, скажем, комары, разносящие заразу. Люди начинают болеть, мучиться. Ловец, обнаруживший это, связывается через оракула с каким-нибудь богом и сообщает о возможности стать богом, лечащим от этой болезни. Или богом Северного ветра, который относит комаров от города. Или богом-Аистом, который не дает особо распространиться змеям и крокодилам в черте города.

– И?

– Боги, естественно, соглашаются, и на одного аватару становится больше. А потом появляется новый умный Ловец, который обнаруживает, что произрастающий на берегах папирус можно использовать очень многогранно и с пользой. И тоже становится аватарой бога Папируса.

– И ты, значит, Ловец, который пока еще не придумал, как стать аватарой? – спросил Бродяга.

– Я Ловец, который не хочет быть ипостасью. Мне нравится путешествовать, знакомиться с новыми людьми, – Бес мельком посмотрел в лицо Бродяги, – и богами. И я не нуждаюсь в десяти процентах. Я получаю плату другими способами.

– Амброзией, – подсказал Бродяга.

– И амброзией тоже.

На востоке появился изжеванный барханами полукруг солнца. Тени стремительно рванулись вперед из-под ног горбатых. Закричала какая-то птица. И разом стих ветер, дувший всю ночь.

– И отчего ты решил, что я буду хорошим Ловцом? – спросил Бродяга.

– Ты очень ловко и быстро соорудил образ Того, Кто Должен Вернуться. Я думаю, что теперь Младший дракон со своими людьми быстро разнесет весть о Вернувшемся. Люди начнут приносить жертвы...

– С чего бы это? – чуть приподнял бровь Бродяга.

– Последние лет триста легенда о Том стала отчего-то очень популярной. Настолько популярной, что я ждал, когда кто-то из богов подсуется и займет вакантную должность. Но никто так и не спохватился. И ситуация сложилась очень странная. Множество людей ждут Того, Кто Должен Вернуться, и готовы приносить ему жертвы, наделять его Силой. Похоже на то, что Сила эта может со временем стать очень большой. Так что ты удачно напялил на себя эту маску. И успел это сделать первым. И теперь твое первенство защищает закон. И теперь ты можешь решать, кого осчастливить новым титулом.

– И никто, говоришь, не попытался присвоить себе это хлебное место? – спросил Бродяга.

– Никто.

– Как думаешь – почему?

– Не знаю, – растерянно протянул Бес.

– У меня странное чувство, – сказал Бродяга.

– Какое? – осведомился Бес.

Солнце уверенно взбиралось по небу, и тени понемногу возвращались к владельцам.

– Мне кажется, что ты мне не все рассказал. – Бродяга повернулся к Бесу всем телом.

Бес встретил его взгляд спокойно, хотя спокойствие это потребовало усилия. Усилия настолько большого, что Бес не уловил стремительного движения правой руки Бродяги.

Вернее, уловить-то он его уловил. Он увидел, как правая рука Бродяги, качнувшаяся к седлу, сжала висящую в петле секиру. Он увидел даже, как секира приближается к его голове. Увидел, но ничего не успел предпринять.

Секира ударила. И для Беса все исчезло.

– Исчезни, – сказал Ясик.

Не открывая глаз, что-то невнятно пробормотала Дева, лежащая справа от него. Что-то в том же духе. Ночь прошла бурно, Ясик был партнером требовательным, а Дева хоть и испытывала к Ясику чувства, далекие от любви, но уступать в изощренности и выносливости кому бы то ни было не собиралась. После бурной ночи нужно было для разнообразия поспать, хотя для богов сон не был необходимостью. Скорее – удовольствием.

И вот это самое удовольствие и пытался порушить Громовержец.

– Исчезни, – сказал Ясик, – а не то...

– У меня важная новость, – сказал Громовержец, нервно передернув плечами.

Угрозы Верховного, пусть даже полусонного, были вещью опасной. Правда, самым опасным было то, что он мог свои угрозы осуществить еще до того, как проснется окончательно. У Громовержца отчего-то заныло колено.

– Засунь себе эту новость знаешь куда? Вот туда, куда подумал. – Ясик снова закрыл глаза.

– Я знаю, кто такой Разрушитель, – сказал, собравшись с духом, Громовержец.

С грохотом по скале на берегу пробежала трещина. Громовержец вздрогнул и чуть было не попятился.

Главное сказано. Теперь отступать поздно. Теперь Верховный в любом случае будет вынужден проснуться.

– А за свои слова ответишь? – Ясик вдруг оказался возле самого Громовержца, на расстоянии вытянутой руки. И рядом с ним вдруг очутилась и Красотка.

– Отвечу, – выдавил из себя Громовержец.

– Ответишь... – Ясик чуть наклонился, чтобы заглянуть Громовержцу в глаза.

Так уж сложилось, что Ясик ростом был выше всех богов. Никто из них не отваживался перерасти Верховного.

Громовержец каким-то чудом взгляд выдержал.

– Говори, – сказал Ясик.

– При всех. – Голос Громовержца опустил до шепота.

– Что? – Изумление приподняло брови Ясина, – Я не понял, гнида, ты пришел ко мне, чтобы...

– Чтобы позвать тебя, – прошептал Громовержец. – Все уже ждут.

– Да я тебя!..

Правая рука Ясика поднялась вверх, и облака, висевшие над островом, вдруг превратились в смерчи, тянущиеся к пальцам этой руки.

– Не нужно, – быстро сказала Красотка. – Ты ведь сам потребовал, чтобы новое о Разрушителе мы узнавали вместе.

Громовержец вдруг понял, что стоит с закрытыми глазами, сжав кулаки, словно мальчишка перед разозлившимся отцом. Или как Морской бог, совсем недавно стоявший перед ним самим. Совсем недавно. Этой ночью. Тысячу лет назад.

– Потребовал, – услышал Громовержец голос Ясика. – Точно, потребовал. – Ясик хмыкнул. – Это я еще не совсем проснулся. Но наш друг не обиделся. Ты ведь не обиделся? – Ясик ткнул Громовержца кулаком в живот.

Воронки смерчей превратились в два кружка-глаза и улыбающийся рот под ними. Как на детском рисунке.

– Мир, дружба, равенство и братство? – улыбаясь, спросил Ясик.

– Нам пора, – сказал Громовержец.

– Хорошо, – сказал Ясик, и они все втроем оказались на поляне Совета.

Воин от неожиданности выронил чашу, из богинь – Ясик не успел рассмотреть, кто именно, – вскрикнула совсем по-бабьи.

Громовержец скрипнул зубами. Унижало не то, что Ясик перенес его и Красотку на Общий остров не спросив. Унижало то, что он это сделал, затратив столько Силы, что Громовержцу ее хватило бы на месяц нескучного существования.

Ясик, довольный произведенным эффектом, одним движением соорудив себе кресло из облаков, уселся в него и благожелательно воззрился на собравшихся богов. Все собрались, отметил он. И ждали как миленькие. И наверное, устроили здесь базар, решая, кто пойдет прерывать бесценный сон Верховного. А Громовержец – смельчак, подумал Ясик. Кто бы мог подумать? Стоял перед Верховным, трусил, но даже не обделался. Молодец. Нужно его за это наказать. Сон Верховного – это неприкосновенно. Хотя, с другой стороны, действительно слишком уж важная весть. Если бы Громовержец промедлил, то его пришлось бы наверняка наказывать конкретно.

Боги расселись. Кто где. Несколько особенно обделенных Силой даже устроились на траве. И смотрели на Ясика как положено – снизу вверх и с подобострастием. Научились, сволочи, ненависть скрывать.

Громовержец остался стоять.

Блин, он ведь теперь выше Верховного, внезапно сообразил Ясик. Слишком низкое кресло тот соорудил себе. Можно было, конечно, немного кресло приподнять прямо сейчас, но это было бы слишком уж заметно, слишком уж отдавало бы суетой. Громовержец, похоже, тоже сообразил, что происходит, вон, на роже его даже мелькнула победная ухмылка.

Ясик чуть нахмурил лоб. Заметив это, Громовержец вздрогнул, оглянулся и, сделав шаг к камню, сел на него. Ясик прикрыл глаза. Молодец. Сообразил. Пожалуй, можно будет его не наказывать, а даже наградить.

– Насколько я понимаю, – Ясик обвел взглядом всех богов, – все мы знаем, зачем собрались. Наш уважаемый Громовержец выяснил наконец, кто такой Разрушитель. И как было договорено, мы собрались все вместе, чтобы выслушать, кто из нас забавляется Кровавыми жертвами. Может, Разрушитель сам признается?

Все боги смотрели на Ясика, старательно игнорируя друг друга. Каждый из них чувствовал, как Общая Сила вибрирует вокруг поляны Совета, готовая обрушиться на Разрушителя, кто бы им ни оказался.

– Желающих добровольно признаться нет, – констатировал Ясик. – Ну, тогда слово предоставляется Громовержцу.

Громовержец кивнул. Откашлялся. Что-то в нем было не так. Чем-то он сейчас отличался от всех остальных богов. Ясик нахмурился, прислушиваясь к своим ощущениям, и вдруг понял, что Громовержец не держит свою Силу наготове. Он будто не ожидает противодействия со стороны разоблаченного Разрушителя. И кстати, он ведь вначале собрал всех богов и только потом отправился за Верховным. А ведь любой из обитателей Островов, оказись он Разрушителем мог бы скомкать Громовержца, унести его подальше от Островов и... Разрушитель мог такое устроить. Они все знали, что такое Сила Кровавой жертвы. А ведь тогда, если честно, Безумному богу Кровавую жертву приносили не так чтобы обильно.

Так себя вести вечно испуганный Громовержец мог только в том случае...

– Мне кажется, – сказал Громовержец, – что Разрушителя среди нас нет.

Если бы он одновременно взорвал все свои перуны на этой поляне, то и тогда не произвел бы большего впечатления. Боги замерли. Только Ясик улыбнулся уголками губ и спокойно спросил:

– Мне казалось, что ты обещал ТОЧНО назвать Разрушителя. Или я ошибся?

– Я назову, – сказал Громовержец. – Только вначале я хотел сказать, что среди нас его нет.

– Ты это сказал. Дальше, – сухо попросил Ясик.

– Если можно, я по порядку, чтобы все стало понятно... – Голос Громовержца приобрел просительные интонации.

– Никто не возражает, чтобы все стало понятно? – спросил Ясик, ни к кому конкретно не обращаясь, да и не ожидая ответа. – Давай по порядку.

– Я подумал... – сказал Громовержец.

– Что ты говоришь! – изумился Ясик и всплеснул руками.

– Может, ты заткнешься? – спросила Дева. Все испуганно посмотрели на нее, а Ясик засмеялся:

– Извини, милая. Конечно, я заткнусь.

Ясик позволил улыбке превратиться в оскал, потом обернулся к Громовержцу и сказал:

– Продолжай.

Громовержец кивнул.

– Я подумал...

Пауза. Короткий взгляд на Ясика. Тот молча приложил руку к губам.

– Я подумал, что, в сущности, Разрушитель – это Безумный бог. Бог, сошедший с ума от того, что ему приносили человеческие жертвы. Так? – Громовержец посмотрел отчего-то на Певца, и тот торопливо закивал. – Единственное отличие – он научился скрывать свое безумие. А это до сих пор не удавалось никому из богов.

Громовержец опустил взгляд, словно собираясь с силами. Или со смелостью.

– Я думаю, что каждый из нас... – Громовержец потер лоб, – каждый из нас когда-то пробовал Кровавую жертву.

Стало так тихо, будто все вокруг – и боги, и море, и весь мир – превратилось в вибрирующий от внутреннего напряжения хрусталь.

– Пробовали, – сказал Громовержец.

Он слишком хорошо помнил, как явился, лично явился к жрецу крохотной, на четыре хижины, деревни и потребовал принести в жертву умирающего старика. Деревня была в глухомани, людей в ней почти не было, да и Силы в старике оставалось всего ничего – все было рассчитано скрупулезно. Но когда ударила в мозг вспышка черного безумного пламени, когда весь мир превратился вдруг в прозрачный хрупкий узор, который он мог уничтожить одним движением руки, одним только желанием, когда он вдруг понял, что люди, столпившиеся вокруг жертвенника, всего лишь смешные беспомощные куклы, которые так смешно ломаются, когда...

Когда он пришел в себя, в деревне уже никого не было. Не было живых. И деревни не было. И не было большого куска леса. А на их месте возвышалась уродливая черная скала. И осталось жутковато-сладостное воспоминание о вспышке.

Потом он специально вернулся на то место и уничтожил скалу. И это потребовало у него времени и Силы.

Все боги молчали, но именно это молчание, даже молчание Ясика, выдавало их с головой. Каждый пробовал это. И каждый боялся этого воспоминания.

– Пробовали, – еще раз повторил Громовержец. – Это нельзя скрыть. Особенно – в таких количествах. В Проклятом городе вчера принесли в жертву сотню человек. Сотню.

Красотка вздрогнула.

– Мне кажется, что никто из нас не смог бы скрыть. Но вчера я вдруг узнал, что люди начали гораздо активнее говорить о другом боге. О Том, Кто Должен Вернуться. Понимаете? – Голос Громовержца взлетел вверх и сорвался.

И скала, возвышавшаяся неподалеку, от этого голоса вдруг покрылась сетью мелких трещин и с шорохом осела кучей щебня.

– Я знаю только одного бога, который ушел, – сказал Громовержец. – И этот бог был Безумным.

– Он не сможет вернуться, – сказал Певец.

– Почему? – спросил Громовержец.

– Никто не возвращался, – уже тише сказал Певец.

– А мы не знаем других, – нервно засмеялся Громовержец. – Не знаем. Может, вы знаете?

Боги промолчали.

– А вы себе только представьте – люди ждут Того, Кто Должен Вернуться. И одновременно люди приносят Кровавые жертвы Разрушителю. Теперь представьте себе, Тот, Кто Должен Вернуться, – возвращается. И новость эта облетает всех. Не знаю как, но облетает. И люди начинают приносить ему жертвы. А потом вдруг все они узнают, что Тот – Разрушитель. Что он пришел разрушить не мир, а только порядок, установившийся в нем. Я этой ночью беседовал с тремя крестьянами – тупыми пахарями и пастухами. Они не знают, сколько будет дважды два, но они точно знают, что пойдут за Тем, Кто Должен Вернуться, что они придут к богам... К нам придут. И уничтожат нас, а богинь – изнасилуют. И наплевать им на то, что Разрушителю, Тому, Кто Должен Вернуться, нужно будет приносить Кровавые жертвы. А та Сила, которая уже накопилась благодаря Проклятому городу, сразу сделает его сильнее нас всех, вместе взятых.

Безмолвие. Стало слышно, как вдалеке, по перевернутой чаше неба, с шуршанием скользит раскаленный диск солнца. Вверх – там еще не наступил полдень.

– Интересно, – сказал Ясик. – Захватывающе. После абсолютной тишины голос его прогремел подобно грому.

– Ты все сказал? – спросил Ясик.

– Все, – кивнул Громовержец и сел на камень.

– Кто-то хочет что-то добавить? – осведомился Верховный.

Боги молчали.

– Тогда скажу я. – Ясик встал с кресла, обернулся и развеял облака быстрым движением руки. – У меня возникла пара вопросов к Громовержцу.

На этот раз имя бога было произнесено без издевки, а даже с некоторой долей уважения.

– Вопрос первый. Откуда он узнал о том, сколько человек было принесено в жертву в Проклятом городе? Насколько я помню, никто из нас не имеет права приближаться к нему, чтобы не быть заподозренным в Безумии.

– Я отправился туда потому, что... – сказал Громовержец.

– Ну да, – перебил его Ясик, – ты же понял, что Разрушитель – это Тот, Кто Должен Вернуться. Но МЫ этого не знали. И МЫ не снимали запрета. А ты его нарушил.

Громовержец вскинул голову, попытался выдержать взгляд Верховного, но продержался всего мгновение.

– Но я думаю, что мы не станем наказывать отважного Громовержца, – Ясик развел руками, – он ведь хотел сделать как лучше. И второй вопрос есть у меня. С чего это ты решил,

что Тот, Кто Должен Вернуться, действительно должен вернуться? Что он СМОЖЕТ вернуться? Певец совершенно прав – из Бездны невозможно вернуться. Низринутый туда просто не сможет ЗАХОТЕТЬ оттуда уйти. Иначе все те, кто отправились Туда до нас, могли бы вырваться оттуда. Вы же помните предания своей юности о том, что были и до нас Безумные боги. И что все они покоятся там. И будут покоиться там. Вечно. А это значит, что и НАШ Безумный бог оттуда не выберется. Так?

Ясик всем своим видом, улыбкой и жестом предлагал богам ответить просто: «Так» – и прекратить этот мучительный совет. Нет, он, естественно, не собирался махнуть рукой на подозрения Громовержца, который неожиданно оказался куда более прозорливым, чем казался. Но этот разговор нужно было закончить на оптимистической ноте.

– Так? – снова спросил Ясик.

– Нет, – внезапно прозвучал голос Девы, – не так.

Дева сказала это, не вставая со скамьи и даже не поднимая взгляда. Ее рука теребила ярко-красный камень на цепочке, которую Дева никогда не снимала.

– Я знаю, кто придумал Того, Кто Должен Вернуться, – сказала Дева. – Это Алый.

Ясик замер.

– Алый почему-то решил, что его могут попытаться... – Дева замолчала, силясь подобрать слова.

– Понятно, – сказал Воин.

– Да, – кивнула Дева. – И он через своих аватар распространил эту легенду среди людей. Как можно шире. Он не говорил об этом никому, я узнала совсем случайно. Мне это тогда показалось смешным, я спросила его, а он ответил очень серьезно, что это... как это? – спасательный конец, как у моряков.

– Дерьмо, – пробормотал Воин.

– Мне кажется, что незадолго до Битвы с Безумным богом он отдал приказ в случае своего исчезновения начать приносить жертвы Тому, Кто Должен Вернуться. – Дева вдруг всхлипнула. – Как вы думаете, эти молитвы и жертвы... Могла Сила идти в Бездну?

– Не знаю, – сказал Ясик.

– Не знаю, – сказал Воин.

– Не знаю, – один за другим сказали остальные боги.

– Когда впервые мы слышали о Разрушителе? – спросил Громовержец.

– Лет через пятьсот после Битвы, – вспомнил Мастер. – Я тогда...

Мастер осторожно погладил свою изуродованную ногу. В тот год он оказался настолько глупым, что согласился подшутить над Ясноглазым.

Снова наступила тишина. И длилась она до тех пор, пока Самка, богиня Плотской любви, Главная богиня Вечного города, не произнесла то, что билось в груди у каждого из богов:

– А не мог Безумный бог тянуться сюда из Бездны и внушить людям мысль о Разрушителе? Не мог? Если жертвы Тому, Кто Должен Вернуться, передавали Силу в Бездну, то не мог ли ею воспользоваться Безумный бог, чтобы подготовить себе Силу здесь, наверху? Много Силы. И если он все-таки выберется из Бездны, ему нужно будет только заявить о себе. Предъявить Доказательства. И стать Разрушителем.

– В таком случае, – заставил себя ухмыльнуться Ясик, – у нас есть еще шанс. Как только мы узнаем, что он вышел...

– А как мы это узнаем? – быстро спросил Громовержец.

– Поклонники Того, Кто Должен Вернуться, начнут приносить ему жертвы, – ответил Ясик. – Тогда мы просто начнем искать Того. Через аватар и через храмы. Он не сможет сразу набрать много Силы. Пока еще все его ожидающие узнают о Возвращении... Он просто

обязан будет пробираться к Проклятому городу, чтобы предъявить Доказательства. И как только он попробует использовать на этом пути Силу – мы его найдем. Правда...

Верховный бог замолчал, и каждому из богов показалось, что это именно на него смотрит Ясноглазый.

– Правда, нам придется согласовывать свои усилия. И даже, возможно, придется наконец признаться, кто, где и каким богом является. Иначе мы просто можем проглядеть Вернувшегося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.